

ВСЁ ДУРНОЕ В НОЧИ
дилогия

елена сазанович

СМЕРТО НОСНАЯ ЧАША

Елена Ивановна Сазанович

Смертоносная чаша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155492

Смертоносная чаша: Подвиг; Москва; 2002

Аннотация

«Эти стихи великого поэта назойливо вертелись у меня в голове, когда я смотрел на гроб, обитый дорогим красным шелком и забросанный искусственными венками, от запаха которых меня мутило. В гробу покоился мой бедный дядя. О его жизни, навсегда улетевшей в неизвестность, я фактически ничего не знал. Не знал, что он довольно уважаемый человек, хотя и неудачный писатель. Не знал, что он был очень добр, хотя и прослыл чудаком. Об этом я услышал только сегодня. От его друзей, соседей, только не родственников. Потому что единственным его родственником на земле был я. И вот вдруг сегодня я отчетливо осознал, что остался совсем один. Совсем. И никого, у кого была бы хоть капля общей с моей крови. От этого мне стало грустно. И я, как никогда прежде, ощутил свое бесконечное одиночество. Хотя рядом и находился очень близкий человек – моя жена Оксана. И в эти тяжелые минуты я ей был особенно благодарен...»

Содержание

Елена Сазанович

4

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Елена Сазанович

Смертоносная чаша

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Эти стихи великого поэта назойливо вертелись у меня в голове, когда я смотрел на гроб, обитый дорогим красным шелком и забросанный искусственными венками, от запаха которых меня мутило. В гробу покоился мой бедный дядя. О его жизни, навсегда улетевшей в неизвестность, я фактически ничего не знал. Не знал, что он довольно уважаемый человек, хотя и неудачный писатель. Не знал, что он был очень добр, хотя и прослыл чудаком. Об этом я слышал только сегодня. От его друзей, соседей, только не родственников. Потому что единственным его родственником на земле был я. И вот вдруг сегодня я отчетливо осознал, что остался совсем один. Совсем. И никого, у кого была бы хоть капля общей с моей крови. От этого мне стало грустно. И я, как никогда прежде, ощутил свое бесконечное одиночество. Хотя рядом и находился очень близкий человек – моя жена Оксана. И в эти тяжелые минуты я ей был особенно благодарен.

– Никита... – Она слегка пожала мою руку, и ее светлые глаза наполнились слезами. – Мне так жаль, Ник.

– Мне тоже, – пробубнил я.

Но комок не подкатил к моему горлу. И мне стало ужасно стыдно. Даже моя жена, которая никакого отношения к дяде не имела, была в сто раз роднее ему. Я это знал. Она взяла на себя все обязательства, всю тяжесть забот и дней, проведенных у его постели. Она самоотверженно ухаживала за ним. И только она была с ним рядом в последние минуты жизни и сама закрыла ему глаза. Потом же, влезая в бесконечные долги, организовала похороны. Отдавая дань уважения этому человеку. Все это обязан был сделать я. Это был мой личный долг. Долг единственного родственника. Но я оказался слишком труслив. Я боялся всего, что напоминало мне о немощи и смерти. Хотя частенько подумывал об этом. И только потом, много позже, по иронии судьбы, а возможно, по Божьему наказанию, почувствовал на себе дыхание смерти.

Я приехал в этот маленький городок из столицы лишь сегодня. И был бесконечно благодарен Оксане, что она позволила мне явиться в день похорон, не раньше. Что она уберегла меня от этой печальной суеты. И вот, стоя возле могилы, уже слегка запорошенной мокрым снегом, видя вдали пробирающиеся сквозь выюгу силуэты людей в черном, я поцеловал замерзшие руки Оксаны.

– Я никогда этого не забуду, Оксана. Никогда.

И на моих глазах появились запоздалые слезы. Не по поводу смерти дяди. А скорее из-за жалости к себе. К своей жалкой персоне, к своей неудавшейся жизни. Слезы вины. Перед собой, перед дядей, перед Оксаной. Перед всем миром.

– Мой дядя самых честных правил, – неудачно ляпнул я, думая о другом. И держа под руку свою заплаканную жену.

– Ты это зря, Ник. – Она укоряюще взглянула на меня из-под густых, засыпанных снегом ресниц. И, как всегда, не разозлилась. Она никогда на меня не злилась. – Ты это зря. Он был действительно прекрасным человеком. И действительно честных правил. Таких мало сегодня.

– Он ничего не говорил обо мне? – на всякий случай спросил я. Что мог говорить дядя о моей жалкой персоне?

– Только одно. Что ты несчастный, запутавшийся мальчик. Не вини себя, Никита. Он тебя простил. И никогда не укорял. Он просто тебя жалел.

Не знаю, выдумала ли все это Оксана мне в утешение. Но в любом случае стало чуточку легче.

После смерти дяди ничего не осталось. Разве что исписанные небрежным почерком рукописи. И пустые бутылки от пива. Глядя на обшарпанные стены его старенького дома, на некрашенный дощатый пол, я совсем скис. Я никогда не интересовался, как он живет. И ни разу, здоровый, крепкий парень, не помог ему материально. Дом мы пока решили не продавать. Стоил он в этом маленьком городке не дорого. И

хотя дядя завещал его именно моей жене, Оксана сказала:

– Он тебе нужнее, Ник. В любую трудную минуту ты можешь здесь укрыться. А таких минут у тебя немало.

Она, как всегда, была права, моя милая жена Оксана. И спустя некоторое время, в один из дождливых осенних вечеров выдалась именно такая минута. Но у меня не было желания ехать в этот мрачный маленький мир, где когда-то жил мой дядя. Тем более трястись в грязной прокуренной электричке, все больше удаляясь от своего суматошного города, суетливость и жизнелюбие которого я высоко ценил. Нет, в ту трудную для меня минуту я отказался от этой затеи. Я вспомнил один адрес, что давно жег мой карман, и подобрал самое удачное время для своего выхода. Мелкий дождь барабанил свою бездарную однотонную мелодию по карнизам. Его капли медузами расползались по оконному стеклу. А за окном – грязные ботинки, шлепающие по мутным лужам. Тусклые зонты, к которым изредка прилипали сморщенные листья. Эта печальная картина разбавлялась моими нерадушными воспоминаниями о холодном дне на кладбище, где хоронили моего бедного дядю. И весь мир представлялся мне бессмысленной выдумкой.

Да, в эту пору мне оставалось два выхода: либо напиться до чертиков, либо отправиться по этому адресу. Я выбрал второе.

Этот адрес дал мне еще весной мой старинный друг по институту кинематографии Вовка Лядов. Мы с ним вместе

учились актерскому мастерству. И тогда в этом деле я преуспел гораздо больше его. Во всяком случае, моя внешность давала мне шанс на успех. Среднего роста, смуглый, чернобровый, с гордым горбоносым профилем. Шустрый и немного хаотичный в своих жестах, я был очевидно сильнее своего длинного, белобрысого и бесцветного товарища. Не смею утверждать, что он завидовал мне. Но могу заметить, что мой потенциальный успех не давал ему спать по ночам. Я его за это не осуждал. Соперничество между нами – начинающими актерами – было неизбежностью. И все-таки мы дружили с Лядовым. Спорили по ночам за бутылкой водки, бродили по крыше общаги, выбрасывались из окна от очередной придуманной трагедии (при этом нас держали за ноги). На ученической сцене играли в паре разные роли: героев и злодеев, удачников и неудачников. Но мне аплодировали громче. И хвалили чаще. И пламенные женские взгляды доставались только мне. Потому что я был и героем, и удачником. Чего нельзя было сказать о Лядове. Вероятно, от этого и вскружилась моя голова. Не каждый выдерживает испытание успехом. Особенно когда всего двадцать...

После института мы редко встречались. Я снимался в главных ролях. Он играл на сцене слабенького малопрощающего театра. Лишь гораздо позже судьба сумела-таки перетасовать наши роли.

Вновь мы встретились этой весной. Вскоре после смерти дяди. Я сразу же заметил, насколько изменился мой то-

варищ. В лучшую сторону. Несмотря на то, что седина уже пробивалась в его волосах. И веснушки также сияли на его лице. Он не был тем бесцветным верзилой, которого я когда-то знал. В его светлых глазах читалась мудрость. Его жесты были уверенны. Черты лица стали выразительными. Я удивился, увидев Вовку таким. Он удивился не меньше.

– Задоров? – Он вытаращил на меня свои светлые глаза, которые в очертании темных кругов выглядели почти эффектно.

– Именно. – Я протянул руку. И мы обменялись вялым рукопожатием.

Мне не хотелось встречаться ни с кем из моего прошлого. Мое прошлое было слишком уж хорошо, чтобы я нашел силы вернуться в него из своего печального настоящего. И я отвел взгляд. Мне не хотелось говорить. И я даже пробурчал что-то вроде – я спешу, у меня куча дел и вообще ни секунды свободного времени, хотя я, конечно, безмерно рад его видеть. Лядов не поверил ни одному слову. И уже откровенно оглядел меня с ног до головы. Мне был крайне неприятен его взгляд. Я отлично понимал, что выгляжу не лучшим образом. Помятая физиономия, мутные после выпивки глаза, опухшие веки, не первой свежести рубашка.

– Тебя бросила Оксанка! – наконец заключил он. И хлопнул меня по плечу. – Не печалься, Ники, все образуется. Ты ведь и сам бросал не раз. Переживи, что и тебя наконец бросили.

Последнюю фразу он произнес с явным удовольствием. И, по-моему, был бесконечно счастлив, что от меня наконец ушла Оксана. А я, в свою очередь, подумал, что был бы бесконечно счастлив, если бы она действительно от меня ушла.

– Увы, – развел я руками, прервав недолгое счастье Лядова. – Наши семейные узы крепки, как канат.

Он искренне удивился.

– Да, – неопределенно протянул Лядов. – Ну, в общем, я за тебя счастлив.

– Ты счастлив, и я счастлив. Ну, все. На этом и разойдемся.

Мое терпение уже лопалось. И я сделал откровенную попытку к бегству. Но не тут-то было. Лядов крепко ухватился за мое плечо.

– Послушай, Ники, я, конечно, слышал, что у тебя... Ну, сейчас... В общем, ты нигде не работаешь, не снимаешься. Но ведь ты сам в этом виноват. Ты же сам отказался от этого. Так зачем, ну... теперь переживать?

И тут я не выдержал. Я схватился за борта его модного шелкового пиджака с блестящими пуговицами (которые меня почему-то больше всего взбесили) и изо всей силы потрянул.

– Послушай, Лядов, что ты ко мне прицепился? Ты куда-то шел? Ну же! Куда?

– Ну... – Он растерянно заморгал длинными ресницами. – Ну, в общем... Ты, наверное, уже слышал, что меня пригла-

сили на главную роль в...

– Нет, я не слышал! И не хочу слышать! Так иди и снимайся! Работай, Лядов! А мне не мешай жить так, как я хочу! Слышишь?

Я перевел дух и расцепил пальцы. Он осторожно пригладил чуть помятый благодаря моим стараниям пиджак. И пожал плечами.

– В общем, я тебе не мешаю. Но, если честно, мне тебя жаль. Тебе пророчили славу Аль Пачино.

Я с нескрываемой тоской взглянул на Лядова.

– Милый Лядов, чужую славу не повторить. У каждого своя слава. Аль Пачино прекрасно живет и без моего успеха. А теперь прощай. И, скажу тебе честно, я не прыгаю от счастья за твою удачу. Но искренне рад, что ты хотя бы на физиономию стал лучше. Значит, в нашем бедном кинематографе еще не все потеряно. Остается только сменить костюмчик.

И я, резко повернувшись, пошел прочь. Но далеко мне уйти не удалось – я вздрогнул от сильного удара по плечу. Оглянулся.

– О Боже! – выдохнул я. – До чего же тебя много, Лядов.

– Послушай, Ники, послушай... – Он пошарил в карманах и вытащил помятый листок. – В общем... У меня тоже... Было все это... И мне попался этот адрес. Но потом... Потом он мне стал не нужен! Я сам нашел выход! Понимаешь, сам! И я себя за это уважаю. Может быть, это единственный

правильный поступок в моей жизни – то, что я не воспользовался этим адресом. Но тебе я его даю. Чтобы ты тоже подумал. И все решил сам.

И теперь он, резко повернувшись, пошел прочь. Оставив меня стоять, тупо глядя вслед его нескладной фигуре. И растерянно сжимая в кулаке помятый обрывок какой-то нелепой бумаги.

Очнувшись, я было собрался выбросить это жеваное послание от Лядова. Но почему-то передумал. В конце концов, не поглупею же я, если прочту этот бред. Я разгладил листок. На нем мелким корявым почерком был нацарапан адрес. И внизу, подчеркнутое жирным карандашом, – название:

«Клуб отчаявшихся сограждан (КОСА)»

Это меня крайне развеселило. Я и не подозревал, что в нашем городе существует такой клуб. И мгновенно сообразил, что это не что иное, как клуб самоубийц. Да, Лядов, видимо, с преогромным удовольствием подsunул мне эту бумажку, предвкушая, что я непременно поддамся соблазну и покину этот брeнный мир. Я, так похожий на обаятельного Аль Пачино. Я, которому все так легко удавалось на этой земле. Любимец женщин и особенно своей жены Оксаны, в которую когда-то, несомненно, был влюблен Лядов. Я, к кому так благосклонно всегда относилась судьба. Я наконец уйду из этой жизни, послав к черту все ее прелести. И бесконечно обрадовав тех, кому моя физиономия мешала жить...

И я вновь громко расхохотался. Прохожие недоуменно

оглядывались на меня и брезгливо морщились, явно решив, что я с утра надрался. Но мне было глубоко плевать на них. Тем более что в глубине души я уже чувствовал себя потенциальным самоубийцей. Ну, уж нет! Такой радости я ни моему другу Лядову, ни кому другому не доставлю. Может быть, жизнь и полная дрянь, но я как-нибудь ее проживу, не беспокойтесь! И, чтобы полностью оправдать надежды таращившихся на меня сограждан, я напрямик направился к ближайшему пивному ларьку. Я имел полное право отпраздновать свое безмерное желание жить. И после выпитой бутылки пива это желание резко усилилось. Бумажка жгла карман, но выбросить ее я уже не мог. Это была карта в руках игрока. Это был азарт игрока. Это была ставка. И выиграть такую игру у меня еще был шанс.

– Вы, случайно, не артист? – перебил мои мысли писклявый женский голосок.

Я поднял глаза и увидел напротив своего столика молоденькую девушку. С кукольным личиком. Она хлопала длинными ресницами. И восхищенно разглядывала меня с ног до головы.

– Случайно, артист. – Я попытался улыбнуться ей альпачиновской улыбкой. Но у меня это вышло бездарно. Хотя ей безумно понравилось. И она всплеснула ладошками.

– Ой, я так и знала! Вы – Задоров. Никита Задоров! Да? Я всегда была без ума от вашего таланта! А почему вы теперь не снимаетесь?

Я про себя глубоко вздохнул. Если честно, меня всегда раздражали такие лебедушки. Красивые до некрасивости. С нежным потупленным взором и плавными жестами. Они все похожи одна на другую. И у всех тонюсенький голосочек, что меня больше всего бесило. Видимо, таким образом они старались подчеркнуть нежность и невинность. Еще лет пятнадцать назад я бы, наверно, купился на такую дешевку. Но теперь... После многолетней работы в кино, после регулярных встреч с куклами и глубокомысленных рассуждений об искусстве за бутылкой меня просто тошнило от этого. Но в глубине своей артистической души я все-таки был польщен, что меня еще узнают, помнят, хотя я уже давно не снимаюсь.

– Нет, ну, вот вы скажите, – не унималась лебедушка, плавно поводя плечиками, – я внимательно слежу за развитием отечественного и зарубежного кинопроцесса...

– Процесса, – повторил я, нарочито громко хлебнув из бутылки теплое пиво.

– Что? – не поняла она. – Ах, да... Вот возьмем, к примеру, ваше творчество...

И она стала певуче что-то объяснять мне. Умные фразы вскоре опутали меня с ног до головы. И я не знал, как из них выбраться. Тем более что ничего в них не понимал. Еще раз подтвердив мнение, что артисты не очень умные люди. К счастью.

В общем, девчонка, насмотревшись и начитавшись вдоволь всякой чуши, мечтала любым способом проникнуть в

богему. И наверняка подумывала об актерской карьере. И один из таких способов проникновения она явно увидела во мне. Что совсем меня не обрадовало. А вогнало в такую тоску, что даже расхотелось пить. Я громко стукнул недопитой бутылкой по столу. И уж очень внимательно посмотрел на часы.

– Ой, извините. Я вас так понимаю. У вас столько дел. Съёмки, наверно?

– Да, девушка. У меня безумно много дел. И безумно много съёмок.

– Как здорово! – Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза. В ее взгляде я читал намек. – Но... Но мы бы могли еще встретиться... Ну, поговорить о вашем творчестве... Встреча с интересными людьми всегда так познавательна.

– Вы мне льстите, красавица. Но я, к сожалению, сегодня вечером улетаю в Швейцарию.

– О Боже! – не устала она петь лебединую песню. – Как здорово! Столько замечательных встреч! Умных собеседников! Талантливых личностей! Какая интересная у вас жизнь! Вы такой счастливый человек! А я... – Она жалобно потупила взгляд.

– Я бы непременно поделился с вами своим счастьем, девушка. Если бы оно у меня имелось в наличии. – И, не оставив ей шанса на ответ, я поспешил удалиться. Успев подумать, что нашему кинематографу следует вручить мне медаль за защиту его от таких типажей.

Только убежав уже довольно далеко, я пожалел о недопитой бутылке пива.

Счастливый человек. Талантливые друзья. Интересные встречи и поездки. Много она понимает, дурочка! Знала бы она, что в моем кармане лежит приглашение к смерти. Которое передал мне не менее знаменитый актер. Знала бы она, сколько таких талантливых счастливицев с удовольствием схватились бы за этот адрес.

Счастливый человек. Если бы я знал, что это такое. Если бы я только знал. Интересные встречи, талантливые друзья, поездки, обворожительные поклонницы. И за этим – пустота. Зависть. Одиночество. Раздражение. Дисгармония. Диссовершенство. Впрочем, я, видимо, сам в этом виноват. Жизнь слишком многое мне подарила безвозмездно, за просто так, за красивые глазки. И я всегда хотел большего. Я слишком много ждал от жизни. И слишком много у нее требовал. Она мне этого не простила. Хотя... Хотя любой сегодня мог бросить мне в лицо, что кому-кому, а уж мне грех жаловаться на судьбу. И это было бы правдой. Я знал, что Фортуна на моей стороне. С самого рождения. Я вырос в благополучной семье, где были и достаток, и взаимопонимание. Мне легко давалась учеба. И даже когда меня постигло настоящее горе – я потерял родителей, – судьба не отвернулась. По ее воле я был брошен в мир искусства. И погрузился в него с головой, стараясь побороть свою боль, шок, трагедию – гибель отца и мамы. Бог наделил меня незауряд-

ной внешностью и талантом. Я с первого раза поступил в киношколу, о чем многие могли только мечтать. Моя карьера, не встречая трудностей, стремительно шла вверх. Я достиг главного в творчестве – успеха. В любви я тоже не знал разочарований. Меня любили все, кого любил я. И никто меня не предавал и не бросал. И женился на Оксане я по любви. В общем, счастливчик. Чего еще я мог желать от жизни? Я легко бежал по ней и в итоге уткнулся лбом в холодную стену. И в итоге оказался в тупике. И в итоге сам от всего отказался. И в итоге этот помятый листок от Лядова толкает меня на последний и главный отказ.

Возможно, свои проблемы я создавал для того, чтобы почувствовать горьковатый привкус жизни. Чтобы, закрывшись в своей квартире, слышать шум дождя за окном и понимать, что жизнь очень мучительна. И самому мучаться от этого. Возможно, я стал опускаться, все чаще пить именно поэтому. Забросил работу, разлюбил Оксану. И от шума дождя за окном, от шороха одиночества я испытывал настоящее наслаждение. Свои проблемы я выдумал сам и искренне в них поверил.

Для себя я даже ответил на вопрос, почему я, любимец судьбы, зашел в тупик. Жизнь, как правило, загоняет в тупик счастливых. Потому что счастье – это мечта. Сбывшаяся же мечта – это уже реальность, а реальность никогда не бывает счастливой.

Я не мог принять мир таким, каков он есть. Я хотел боль-

шего. Я был слишком требователен к людям. И они меня раздражали. Я был слишком требователен к себе и себя не любил. Постоянно чувствовал дисгармонию. Дискомфорт. Не мог спокойно воспринимать компании. Уловив малейшую фальшь в жестах или словах, я уходил. Терял друзей. Их дружба казалась мне фальшивой. Малейший завистливый взгляд отталкивал меня. Безусловно, я понимал, что человек несовершенен. Но не мог с этим смириться. Примерно то же произошло и в моих отношениях с Оксаной. Я искренне влюбился в нее. Умную, интеллигентную женщину. Она завидно отличалась от выхоленных писклявых кукол. В ней были простота, мудрость и ирония. Что я так ценил в людях. Познакомились мы с ней на приеме в поликлинике. К тому времени мое состояние приобрело уже болезненную форму. Человек неуравновешенный, чувствительный, все чаще запивающий свои необоснованные беды вином, я находился почти на грани отчаяния. Бросился в круговорот суматошной пьяной компанейской жизни. Ненавидя ее. Устраивая скандалы. Крича по ночам и просыпаясь в глубокой депрессии по утрам. Мое состояние было ужасным. Я решил на всякий случай обратиться к психиатру. И обратился к Оксане.

Она тепло улыбалась мне. В кабинете с белыми стенами. С белыми жалюзи. Она держала белую глиняную чашку в тонких руках. И едва притрагивалась пухлыми губами к горячему душистому чаю. Она показалась мне пришельцем из другого мира. Мира, где царят гармония и покой. Мира, ко-

того я не знал. И о котором, наверно, мечтал.

Поскольку в те времена я влюблялся с первого взгляда, я тут же влюбился в Оксану. И сразу успокоился.

— А теперь вы мне все расскажите, — вновь тепло улыбнулась. — Что вас мучит, то и расскажите. Это дальше стен не уйдет.

Я улыбнулся в ответ альпачиновской улыбкой. Тогда это у меня неплохо получалось.

— В эту минуту меня мучит одно: я, кажется, в вас влюбился.

— А вы артист! — рассмеялась она.

— Я действительно артист. — Я смотрел на нее во все свои черные, жгучие глаза. Вот теперь она меня узнала. И, к моей величайшей радости, не всплеснула руками. И не стала спрашивать о последних новостях из жизни богемы. Напротив, это ее мало интересовало. Но я ее заинтересовал, бесспорно.

— Артистов лечить бесполезно. Они неизлечимы. У них хроническая душевная болезнь.

Я галантно поклонился.

— Спасибо на утешительном слове. Но, кажется, выход есть.

Она вопросительно вскинула свои густые светлые брови.

— Меня можете вылечить вы. — Я горящим взглядом окинул ее с ног до головы. И, не дав ей ответить, тут же спросил: — А вы любите кино?

К моему удивлению, она отрицательно покачала головой. А я-то думал, что кино любят все.

— Увы, я не люблю ложь.

Я запомнил ее слова. Она и впрямь не любила ложь. И я старался ей никогда не лгать. Если же мне нужно было идти на это, я просто молчал.

А в тот день вместо кино мы пошли на лекцию: Созвучие души и тела. Эту лекцию читала Оксана. Я плохо слушал ее. Но бесконечно ей завидовал. Она любила свою работу. И ее работа действительно была творческой. Потому что вылечить душу мог только истинный творец. Она помогла многим. В то время помогла и мне. Но теперь, когда я разлюбил ее окончательно, она, вытаскивая из бездны отчаяния многих совершенно чужих людей, мне, самому близкому человеку, ничем помочь не смогла. И я все дальше и дальше летел в эту глубокую бездну отчаяния. И уже видел конец...

Но все же весной я идти по этому адресу не собирался, несмотря на то, что бумажка, искушая, жгла мой карман. У меня еще были силы бороться за себя. К тому же теплые, безоблачные дни весны и лета помогали мне в этом. В солнечные дни не хотелось прощаться с жизнью. Я продолжал много пить, думать, впадал в депрессию, но вкуса к жизни еще не утратил. Я обожал сидеть на набережной, вглядываясь в чистую спокойную речную гладь, в которой отражались солнечные блики, и думать, что, может быть, на этой земле вообще не бывает счастья. Но только потому, что она пе-

реполнена людьми... Люди слишком несовершенны, чтобы осчастливить мир. Но природа, молчаливая, мудрая и спокойная, – само совершенство. Сам идеал. И, глядя на нее – на изумрудную листву деревьев, на огненно-рыжее солнце, на чаек, плещущихся в прозрачной воде, – я думал, что, слава Богу, в этом мире есть куда спрятаться, к кому обратиться и где обрести покой.

Но наступила осень. И мои прогулки под проливным дождем не приносили уже утешения. И хмурое небо наваливалось на меня своей тяжестью. И почерневшая листва угрюмо хрустела под ногами. И легче было оставаться в четырех стенах, слушая бездарную мелодию дождя. И думая, что в этом мире все-таки не для чего жить. И некуда спрятаться. И не к кому обратиться. Вот я и вспомнил об этом адресе. И выбрал самое подходящее время для своего выхода.

Чтобы отправиться по этому адресу, мне нужно было более менее привести себя в порядок. Хотя это было и нелегко сделать. Но по этому случаю я даже достал из глубины шкафа парадный костюм, который первый и последний раз надел в день своей свадьбы. Он был совсем новый. Я посмотрелся в зеркало. Да, вид я имел довольно потасканный. И никакой костюм не мог приукрасить мой сомнительный образ. Все-таки годы, проведенные за бутылкой, растраченные в погоне за сомнительными женщинами, дарившими сомнительную любовь, не прошли даром. И отразились на моем лице, рано исполосованном морщинами. От избранника судь-

бы Аль Пачино остались только выразительные черные глаза. Гордый горбоносый профиль. Иногда – белозубая обаятельная улыбка. Вот, пожалуй, и все. Впрочем, не так уж мало. В глубине души я понимал, что еще не все потеряно, что еще есть шанс уцепиться за актерское мастерство. Возродить свою любовь к жене. Бросить пить. Порвать сомнительные связи. И принять вполне благопристойный вид. Надо только очень-очень захотеть. Но дело в том, что мои желания уже умерли.

Я не услышал, как скрипнула входная дверь. И на пороге появилась Оксана.

– Привет! – Она попыталась изобразить на лице улыбку. Но у нее это слабо получилось.

– Привет! – как можно бодрее ответил я. Но у меня это не вышло совсем.

Я смотрел на свою жену Оксану. В ней абсолютно ничего не изменилось за время нашей совместной жизни. Ничего. Тот же ясный светлый взгляд. Те же пухлые губы. Так же светлые длинные волосы спадают на плечи. Тот же простенький стиль одежды – брючки и свитер. И ни грамма косметики на лице. Я смотрел на свою жену, по-прежнему умную, интеллигентную женщину, скромность и мудрость которой я когда-то так высоко ценил. Я смотрел на нее и думал, почему я уже не люблю ее. Ну, почему? Ведь Оксана ни разу не дала мне повода для нелюбви. Напротив. Она каждым днем доказывала свою преданность. Терпела все мои выходки. Мои

исчезновения по ночам. Моих случайных женщин, у которых я искал утешения. А я все дальше и дальше отдалялся от нее. И у меня не было ни малейшего желания сделать шаг ей навстречу. Странно, почему? Ведь Оксана вроде бы соответствовала моему идеалу. Моему придуманному гармоничному миру. А может быть, нет? А может быть, моя гармония совсем другая? Гармония хаоса, скитаний, необоснованных мучений, поиска ответов на безответные вопросы? Оксана, милая, умная Оксана подарила мне преданную любовь. А мне, возможно, нужны бурные всплески, разбитая вдребезги посуда, предательство. И, возможно, я эти переживания стал искать на стороне. Мои бабочки-однодневки дарили мне их. Правда, вскоре я устал и от этого. Я так и не обрел любви, которую придумал в своем воображении. И окончательно запутался в себе.

Оксана приблизилась ко мне. И положила руки на плечи. И потерлась щекой о мой небритый подбородок.

– Ты куда-то собрался? – тихо, расслабляющим тоном сказала она. И мне показалось, что она беседует со своим очередным пациентом-психопатом.

– Угу, – промычал я. И из какого-то дурацкого желания мучить добавил довольно резко: – Возможно, я не приду ночевать. Слышишь? У меня, слава Богу, есть где провести ночь. И есть, слава Богу, с кем.

И вновь – этот нежный покорный взгляд. Виноватая улыбка.

– Я буду тебя ждать.

О Боже! Так действительно можно сойти с ума. Конечно, она излечивает психов. Но с тем же успехом способна нормального человека свести с ума. Лучше бы она запустила в меня глиняной вазой. Или ударила по лицу. Может быть, это вернуло бы меня к жизни. Ведь она умная женщина. И зачем ей меня терпеть? Опустившегося бездельника и пьяницу! Неужели это такая любовь? И кто такую любовь придумал! Я, черт побери, такой любви не желаю! И, не проронив больше ни единого слова, я выскочил за дверь.

Уже на улице, переведя дух, подумал: «А ведь у меня все нормально. Абсолютно все!» И почти бегом направился по страшному адресу, словно убегая от своих мыслей. Я очень не хотел, чтобы у меня все было нормально, потому что понимал, что счастье нормальным быть не может.

Я долго блуждал под мерзким морозящим дождем в поисках нужной мне улочки Андреевской. Маленькой, узенькой, мощенной крупными камнями. Я и не подозревал, что в нашем огромном, суматошном городе существуют такие неприятные райончики. С низкими домами. Темными подворотнями. Подгнившими, перекошенными крышами. Мимо меня не прошла ни одна машина. И повстречался лишь единственный и то весьма подозрительный тип, который косился на меня из-под кругленьких линз близорукими глазками. И почему-то держал одну руку в кармане.

Я усмехнулся: пожалуй, до нужного места можно и не дой-

ти. И не обязательно добровольно искать смерти. На этой улочке могут запросто прихлопнуть и без моего согласия. Я с опаской глянул на карман этого типа. Он, словно отвечая на мой взгляд, вытащил портсигар и вызывающе дыхнул мне в лицо горьким дымом. Я облегченно вздохнул.

Странно все-таки устроен человек. Я по собственной воле шел за смертью. И в то же время испугался, чтобы не поспешил исполнить мое желание случайный прохожий. Неужели одна смерть может быть краше другой? Если результат один...

Я долго бродил по пустынной Андреевской (не понятно, в честь какого Андрея названной). Номера нужного дома так и не нашел, поэтому решил вычислить самое подозрительное, на мой взгляд, место. Мои подозрения привели к глухому забору. Я попытался отыскать вход, но безуспешно. Прислонившись к забору, я решил немного подождать. В конце концов, рано или поздно здесь должна ступить нога человека. До утра я, конечно, торчать не собирался, прикуривая одну сигарету от другой и любуясь почерневшими от дождя крышами и грязными лужами. Меня бы долго не хватило на такой пейзаж. После второй сигареты я уже решил вернуться домой. И сказать что-нибудь ласковое своей жене Оксане по случаю успешного избежания самоубийства. В любом случае – дома теплее. А погибать из-за воспаления легких я не собирался. Это было довольно скучно.

Но мне повезло: вдруг я увидел, как одна доска в заборе

отодвинулась и кто-то в черном дождевике пролез в образовавшуюся дырку. Огляделся и, не заметив никого, аккуратно заделал забор.

Дождавшись, когда «черный дождевик» скроется за поворотом, я нашел передвижную доску и юркнул в образовавшуюся дырку. Казалось, я пробирался сквозь мокрые заросли, колючие и густые, целую вечность. Наконец уткнулся в высокий особняк из красного кирпича. Похоже, отчаявшиеся жители нашего города надежно укрылись здесь от своих жизнерадостных собратьев. Я поднялся по каменной лестнице и на всякий случай приложил ухо к резной двери, но абсолютно ничего не услышал. Уже порядком стемнело, и мне пришлось искать кнопку звонка на ощупь. Безрезультатно. Тогда, собравшись с духом, я принялся колотить в дверь.

– Кто там? – послышался глухой бас.

– Сто грамм, – еле слышно пробурчал я. А вслух громко и вежливо сказал. – Я – гражданин, жаждующий как можно скорее очутиться плечом к плечу с отчаявшимися собратьями. И понять, что я не одинок в этом печальном мире.

За дверью хмыкнули и не менее вежливо ответили:

– Вы ошиблись адресом, молодой человек. В этом доме царит радость, а не печаль.

Я нахмурился, но отступать не собирался. В конце концов, если это клуб счастливых, мне тоже не помешает взглянуть на их жизнерадостные физиономии.

– Прекрасно! – воскликнул я. – Вы, надеюсь, не прочь по-

делиться со мной, унылым странником, своим счастьем?

Мою иронию на сей раз не проглотили, и в ответ раздался грубый хрип:

– Кто вы?

Кто? Если бы я это сам знал. Мне уже захотелось процитировать: Я тот же, что и вы, гонимый миром странник, но только с русской душой. Но я вовремя спохватился, сообразив, что на меня в итоге спустят стаю борзых, которые здесь, судя по внешнему виду особняка, наверняка в наличии. И я как можно серьезнее ответил:

– Этот адрес дал мне по доброте души мой единственный друг. Друг на всю жизнь.

– Кто?

– Его фамилия Лядов. Володя Лядов.

Почему-то это подействовало моментально. Видимо, в этом славном теремке равнодушны к богеме. Дверь распахнулась – и на пороге возник малюсенький человечек с редкой бородкой. Он был настолько худой, что кожа, казалось, просвечивалась. Да уж, никак не ожидал, что у такого замухрышки, разодетого в огромную, не по размеру, униформу швейцара, такой низкий, хорошо поставленный голос.

– Пройдите, молодой человек. – Он показал круглой головой, смешно болтающейся на тонкой шее.

Я последовал за ним по длинному узкому коридору, стены которого были сплошь увешаны зеркалами. Интересно,

подумал я, какое счастье ожидает меня дальше, если первым делом встретился тип с такой рожей.

Наконец мы уперлись в дверь, расписанную масляными красками. Я поморщился. Такая живопись меня никогда не приводила в восторг. На двери во весь рост была нарисована девушка. Длинные черные волосы. Раскосые темные глаза. Белое длинное платье, похожее на балахон. Но не это меня смутило. В руке, унизанной золотыми браслетами, она держала огромную косу. И, улыбаясь прелестным алым роти-ком, помахивала ею. А в верхнем углу двери красной крас-кой, так пошло напоминающей кровь, были выведены боль-шие буквы КОСА, три из которых я сразу же разгадал.

– Клуб отчаявшихся сограждан, – по слогам отчеканил я. – Но что означает последняя буква, господин швейцар?

Человечек смутился, но тут же гордо тряхнул головой.

– Господин Варфоломеев, – поправил он меня, представившись с таким высокомерным видом, словно передо мной стоял не какой-то зачуханный карликовый швейцар, а сам владелец замка, граф Варфоломеев. Но, как гостю, мне пришлось смириться.

– Хорошо, господин Варфоломеев. Так что же означает буква «А»?

– Андреевская. Так наш район называется. Впрочем, и не только поэтому.

– М-да, – неопределенно протянул я.

– Вам понравилось? – Швейцар кивнул на мерзкую живо-

пись на двери. И впился в меня своими маленькими глазками.

Как может понравиться такая чушь собачья? Более гадкой живописи я не встречал. И не подозревал, что смерть может выглядеть такой красивой и жизнерадостной. До безобразия. Но, помня цель своего визита, ответил:

– Да, это прекрасное отражение действительности. Вернее, того, что идет после нее. Оригинальное мышление художника. Славная красавица – смерть.

– Вы поэт? – усмехнулся швейцар.

– В некотором роде. Если актерскую профессию можно назвать поэзией.

– Безусловно, можно, – обрадовался Варфоломеев, услышав, что я артист. – Ну, что ж, поздравляю с началом вашего счастливого пребывания в нашем клубе. Считайте, что двери для вас открыты.

Он распахнул передо мной дверь, и я вошел в зал. И восхитился. Я не привык к такому великолепию. Высокие потолки с бронзовыми люстрами, каждая из которых низко свисала над столиком и была увенчана тремя длинными тонкими свечами. Мерцающий свет рассеивался по просторному, но уютному залу и отбрасывал на пастельно розовые стены тени людей, сидящих за столиками. На полу возле каждого столика стоял вазон с яркой зеленью, усыпанной мелкими розовыми цветочками. Кресла красного дерева с мягкими атласными сиденьями удачно дополняли их. А пол был

покрыт ковром темно-вишневого цвета. В углу зала возвышалась сцена, затянутая черным бархатом. В общем, здесь не было ничего лишнего и ничего дешевого. Зато очень много таинственного. Но эта шикарная обстановка мне не понравилась. В ней было что-то вычурное. Надменное и безвкусное. Несмотря на правильное сочетание цветов и стильный дизайн.

Я был приучен к другой жизни. Более простой и уютной. И мне она нравилась. В моей маленькой квартирке было все необходимое для жизни. И я был благодарен своей жене за то, что она никогда не требовала большего. Ей не нужна была шикарная мебель. Шикарные рестораны. Сверхдорогая косметика. И сверхизысканная еда. Ей было достаточно того, что она имела. Ей достаточно было меня. Хотя я ее давно разлюбил.

Я хорошо помню, как она окончательно пленила мое сердце. Это был день, когда я, решив покорить Оксану любым способом, пригласил ее в довольно приличный ресторан и заказал довольно приличные блюда (мой успех в то время позволял это, к тому же оставалось кое-что от родителей).

Оксана сидела за столиком у окна, лениво потягивая французское шампанское и едва прикасаясь к утке «аля орандж», политой соусом из апельсинового ликера и украшенной ломтиками лимона.

– Ты всегда так живешь? – Оксана, улыбаясь, смотрела на меня.

И я, изображая из себя лихую знаменитость, ответил:

– Да уж, такие мы – жрецы Аполлона.

Она пожала плечами.

– А для меня важнее всего – любовь. Мне всегда казалось, если любовь существует, остальное не важно. И ни на что уже не следует обращать внимания. Правда? А если ее нет, тогда, конечно... Но, видя людей, окруженных роскошью и живущих ради нее, я думаю, как они, в принципе, несчастны. Они чем-то обделены. У них нет главного.

Меня окончательно покорила ее монолог. И, видимо, по этому поводу я надрался. И, проснувшись утром в ее простенькой квартирке, где было мало вещей и много вкуса, я подумал, что счастлив. И тут же принялся извиняться перед Оксаной. Но и тогда она оказалась выше меня. Она зажала мне рот ладонью. И, как всегда, тепло улыбнулась.

– Не надо, милый. Я способна понять любого. И не только в силу своей профессии. Просто я родилась с пониманием того, что каждый человек имеет право на срывы, на ошибки. На повторение их. Иначе было бы не так уж здорово жить...

Эти слова совершенно убедили меня, что Оксана – моя любовь. Мой идеал, о котором я так долго мечтал. И еще – это единственная женщина в мире, не совершающая ошибок. И поэтому – не повторяющая их. Противоположные заряды соединились. В то время мы не могли знать, что они так быстро разлетятся в разные стороны...

– В нашем клубе людей сближают не только отчаяние и

разочарование, – перебил мои светлые воспоминания швейцар, – но и поиски гармонии в творчестве. Все члены клуба – исключительно писатели, художники, артисты, поэты, музыканты. Одним словом, их можно окрестить просто – артисты. Ведь вы не станете возражать, что любой творческий человек по сути своей – артист? Так или иначе, он не просто сочиняет, но обязательно и проигрывает сочиненный мир.

Я усмехнулся. Я не возражал.

– Поэтому столь интересующая вас буква в аббревиатуре «КОСА» обозначает не только улицу Андреевскую. Это сокращенно можно прочесть и так: Клуб Отчаявшихся Сограждан-Артистов. Вы удовлетворены этим объяснением?

Я утвердительно кивнул. Хотя был удовлетворен далеко не всем, что увидел. Конечно, легче всего собрать в клуб отчаявшихся творческих интеллигентов, чьи мысли загромождены иллюзиями, мечтами и прочей чепухой, которая неизбежно ведет к душевному срыву.

М-да. И я еще раз оглядел зал. Все-таки я не подозревал, что в нашем городе так много бездельников, желающих расчитаться с жизнью. Собрать бы их всех в одну кучу и вывести очищать от мусора и грязи улицу Андреевскую. Вот тогда можно и посмотреть, насколько хватит их актерского таланта. А впрочем, разве я имею право на суд, если не в меньшей, а возможно, в гораздо большей мере желаю примкнуть к их кругу?

Швейцар наконец оставил меня, попросив никуда не от-

лучаться. И стал с кем-то вести оживленную беседу. Судя по его дорогому бордовому костюму, шелковому галстуку и лаковым черным туфлям, это был некто высокого ранга. Варфоломеев откровенно указывал на меня, размахивая своими прозрачными маленькими ручонками. «Бордовый костюм» смотрел в мою сторону своими узкими холодными глазами и, казалось, просвечивал меня насквозь. Мне стало неловко. И я от неловкости, посвистывая и изображая безразличие, принялся рассматривать страдающую публику. Мне были знакомы многие лица. Они лет пять – десять назад часто мелькали на экранах телевизоров, на театральных сценах, на выставках и в концертных залах. В общем, их всегда можно было встретить на самых престижных тусовках. Но постепенно они по разным причинам исчезали из элитарных кругов. И, как я убедился, находили приют именно здесь.

В клуб пребывали и среднего уровня знаменитости. С ними я, бывало, не раз пил в закусочных и поневоле слушал их болтовню о развитии творческого процесса. И замечал про себя, что именно средний десяток уверен в своей гениальности, ни на секунду не смиряясь с тем, что его не принимают в круг ослепительных звезд. Пожалуй, они больше всех имели право на отчаяние. Золотая середина не так уж и золота. И ей зачастую остается разве что пить. Или посещать этот сомнительный клуб. Я их отлично понимал. Хотя сам когда-то имел полный успех. Но полного понимания не имел никогда.

Впрочем, здесь хватало и абсолютно незнакомых лиц. Но

мне не стоило труда догадаться, кто это. Начинаящие служители его величества Искусства. Притащившиеся сюда в поисках экзотики. Несомненно, в надежде познакомиться со знаменитостями. И решившие, что это ночное заведение – последний писк моды. Впрочем, мода на страдание в кругу интеллигенции была всегда. Ведь болтать о муках творчества, о несостоявшихся планах и мечтах гораздо проще, чем изображать их на холсте, в музыке, литературе.

Клуб уже не казался мне таинственным храмом, а выглядел заурядной забегаловкой, где собирается богемка за бутылочкой хорошего винца и изображает из себя отвергнутых обществом сограждан. Мне стало скучно. Увы, тогда я еще не мог по-настоящему оценить всю силу этого заведения...

Наконец обо мне вспомнили. Варфоломеев и «бордовый костюм» подошли ко мне. И вот я имел удовольствие созерцать «бордового» вблизи. Его раскосые узкие глаза не казались такими уж холодными. А орлиный нос, седина на висках, широкие скулы и тоненькие черные усики вполне соответствовали его благородному виду.

– Это наш знаменитый управляющий Игорь Олегович Толмачевский, – низко пропел швейцар.

Управляющий одарил меня белозубой улыбкой.

– Вообще-то я еще слишком молод для отчества. Поэтому для всех я Игорь. А Олеговича я приберегу на более поздний период жизни.

Я, в свою очередь, ответил ему улыбкой. И представился.

– Мы бесконечно польщены тем, что наш клуб посещают такие талантливые актеры. – Толмачевский сделал мне комплимент, в который я поверил с трудом. – Я искренний поклонник вашего таланта. Но как жаль, как жаль, что так рано, так преждевременно закончили вы свой творческий путь. Увы, – развел он своими холеными руками, сверкнув огромным золотым перстнем с каким-то бордовым камнем, в тон его костюму. – Увы, не нам распоряжаться нашей судьбой и нашим талантом. Все решается на другом, более высоком уровне... Так что, наш адрес вам дал Лядов?

Процветающий Лядов. Поправил я его мысленно. А вслух ответил:

– Именно он. – И, чтобы не оставлять сомнений в столь высокой рекомендации, добавил: – Он мой лучший друг. Мы с ним вместе учились в институте. Так сказать, товарищ по парте.

– О да! – воскликнул Толмачевский. – Эти молодые годы! Эти споры в звездные ночи! Эти творческие поиски у моря под яркой луной! Эти юные музы, посещающие скромную обитель творца...

Эти красные рожи, несущие всякую чушь об искусстве. Эти грязные, обшарпанные стены, разбитые лампочки. Это хмурое утро с невероятной головной болью. Эти сомнительные накрашенные девицы, плюющие на слово «любовь», продолжил я про себя. И так же, про себя, добавил: он тоже, наверно, из нас, бывших. Поэт, наверно...

– О, знаете, я тоже балуюсь с этой легкомысленной Афродитой. Люблю, знаете, посочинять стишки при тусклом свете свечи...

Так я и знал. И мне стало еще скучнее. И я почему-то с невероятной тоской вспомнил свою жену Оксану. Ее простенький, естественный мир. Ее искренние, душевные слова. Ее неприятие лжи.

– К сожалению, – не унимался управляющий, пощипывая тоненькие черные усики, – наше заведение полностью забито посетителями. Впрочем, вы сами можете в этом убедиться. И достойного местечка я вам пока подыскать не могу. Имеется в виду, рядом с уважаемыми, известнейшими людьми. Но смею вас уверить, это временно. Как только освободится лучшее место – я тут же оповещу вас. – Он взмахнул холеной рукой. И бордовый камень в золотой оправе на указательном пальце прямо-таки ослепил меня. – А пока сядьте вон за тот столик. Конечно, там людишки неприметные. Но, думаю, для вашего, творческого склада ума вы сможете почерпнуть и из этих бесед что-либо полезное.

И Толмачевский, кивнув на прощание, скрылся за служебной дверью. А мне ничего не оставалось, как последовать за швейцаром в глубь полутемного зала и оказаться возле нужного столика. Мой провожатый – господин Варфоломеев – тут же незаметно исчез, оставив меня наедине с молодой женщиной и мужчиной средних лет. Пожалуй, управляющий не погрешил против истины, говоря, что придется

довольствоваться далеко не сливками общества. Но я был этому даже рад. Меня не прельщают напыщенные персонажи. Я с большим удовольствием проведу время с обычными людьми. Правда, Толмачевский немного ошибся: может быть, мои соседи по столику и не сверкали, как звезды на небосклоне, но заурядными их тоже нельзя было назвать. Они приветливо улыбались мне, потягивая вино. И я сразу же про себя отметил: свои парни.

– Меня зовут Никита. Ник Задоров. Я в прошлом – актер. Довольно преуспевающий в своем ремесле. В настоящем – блудный сын, затерявшийся на тернистых путях брренной жизни, – выложил я залпом – на всякий случай – всю информацию о себе.

За столиком мой монолог оценили.

– А я – танцовщица. Вы любите бальные танцы? Я – обожаю. Как и свое имя – Василиса. Редкое имя, правда? – улыбнулась мне девушка. И тряхнула своей коротенькой стрижечкой «под мальчика».

– А вы, если не ошибаюсь, Иванушка? – обратился я к ее приятелю. – И тоже – любитель бальных танцев? – Я оглядел его мощную и неуклюжую фигуру.

– Почти не ошибаетесь, – улыбнулся он во весь рот. И я бы покривил душой, назвав его улыбку премиленькой. Скорее, он открыл пасть, в которой не насчитывалось нескольких передних зубов, и мотнул своей абсолютно лысой головой. – Я – скульптор. И вообще терпеть не могу танцы, баль-

ные – тем более. Бог как-то обделил меня этим королевским даром. Но, по странному совпадению, я действительно называюсь Иваном. В зоне кореша прозвали меня Лысый Ваню. Хотя я такой же грузин, как они – законопослушники.

– В зоне? – Я чуть не поперхнулся вином, услужливо налитым Василисой. Да, пожалуй, скучать здесь не придется.

– Не пугайтесь вы так, – чуть хрипло сказала Василиса. И ее щелочки-глазки недовольно заблестели.

Эти двое представляли собой любопытную парочку. Она создавала впечатление беззаботности, легкости, даже легкомыслия. И напоминала лисичку. Остренький подбородок вздернут. Коротко стриженные волосы имели редкий пепельный цвет – наверняка перекрашены. Я не очень-то жалую крашенных девиц. Но ее пепельный цвет мне понравился. Он вполне гармонировал с ее узенькими серыми глазками. Если это и была лисичка, то довольно благородной, редкой серебристой породы. А возможно, меня прельстил ее хрипловатый голос. Во всяком случае, он не напоминал о тонюсеньких, нежных звуках, издаваемых томными лебедушками, которыми я за свою недолгую жизнь пресытился. Черное же платье с облезлым меховым воротничком меня совершенно покорило. Думаю, она нацепила его специально, подчеркивая провинциальность происхождения и непровинциальность вкуса. А это уже кое-что значило.

Ваню полностью соответствовал типичному портрету уголовника. Квадратная челюсть. Налитые кровью глаза. Тату-

ировка на правой руке: «Я твой навсегда, русалочка». Пестрая, в красных розах, рубаха с распахнутым воротом, обнажившим крепкую волосатую грудь и сияющий серебряный крест. Впрочем, мне пришлось по вкусу эта веселенькая компания. И я подумал, что буду неплохим приложением к ней и удачно волеюсь в этот отчаявшийся коллектив.

– За знакомство? – прогудел Ваню.

Мы дружно чокнулись налитыми до краев бокалами. И я несвоевременно подумал о том, какой леший загнал их под эту крышу – они не очень-то смахивали на желающих сбегать в мир иной. Меня распирало любопытство.

– Здесь, как я понимаю, собираются для облегчения душ? – спросил я. – Неплохо, неплохо. Проводить вечера в мерцающем свете свечей, рассказывая друг другу страшные истории о перипетиях жизни, полной всяких неожиданностей, печалей.

– Не такие уж и страшные, – хихикнула Василиса.

– И не такие уж и печальные, как наша жизнь, – улыбнулся беззубым ртом Ваню.

Я вопросительно взметнул брови.

– Просто есть люди, которые не в состоянии справиться с трудностями, – пожала острыми плечиками Василиса. – И если жизнь загоняет их в угол, они просто желают избавиться от нее. Как вы, например...

– Или как вы, – поддакнул я.

– В общем, как все мы. – И Ваню с пафосом указал сво-

ей огромной лапой на зал. – Все абсолютно разные. Но всех связывает одно – любовь к искусству. Желание гармонии. И нежелание жить в дисгармонии.

Я про себя подумал, что Ваню немного грубоват для искусства. А Вася (так я окрестил Василису) слишком простовата для творчества. Но в то же время мне было легко и просто с этими людьми. Я давно не испытывал такой радости от общения. Хотя, возможно, таинственная обстановка зала и прекрасное вино создавали такое настроение.

– Замечательное вино! – Я поднял бокал и приблизил его к мерцающей свечке. Напиток засверкал ярко-желтым цветом, и пузырьки в нем напоминали янтарные бусинки. – Оно, видимо, стоит уйму денег!

– Об этом нечего беспокоиться! – махнула тоненькой ручкой Вася. – Здесь, слава Богу, бесплатное угощение.

– Бесплатное? – округлил я глаза. – Не может быть! Креветки в ореховом соусе. Угорь в банановом желе. Куропатки с авокадовой приправой. Это, по-вашему, бесплатно? Здесь что – благотворительная организация для обожравшихся творчеством интеллигентов?

– Ну, в некотором роде, – усмехнулся Ваню. – Хотя бы перед смертью можно вдоволь покушать и выпить!

– Да после этого и помирать не захочется. После такого рая в другой вряд ли потянет, – возразил я, скептически ухмыляясь. – Скорее возникнет желание грабануть какой-нибудь солидный банк!

– Ну, об этом не стоит, – печально вздохнул Ваню, – напоминание о прошлых столкновениях с законом меня печалит.

– Тогда следует поселиться здесь навеки, – заключил я. – Или все же нужно что-то платить. Хотя бы за вход.

– Нет уж, – опять трянула мальчишеской стрижкой Василиса. – Ничего. Абсолютно ничего. Но навечно здесь поселиться не получится.

– Вышвырнут?

– Нет, не совсем так. Ты... Вы... Ты, в общем, должен оправдать надежды наших покровителей. И благополучно почитать навеки. Зря, что ли, жрал бесплатно?

– М-да. Понимается с трудом. Ну, а если все-таки я не хочу почитать навеки?

– Это исключено, Ник. Рано или поздно ты это сделаешь.

– Ну, разве что в девяносто отпущенных лет, – усмехнулся я.

– Нет, тут больше двух месяцев не задерживаются, – покачал лысым черепом Ваню.

– Или не задерживают? – поправил я его.

– Ну, что ты! – замахала руками Вася. – Ошибаешься! Каждый добровольно кончает жизнь самоубийством. И это абсолютно верно. Мы же для этого и пришли. К тому же перед смертью все оставляют письмо, в котором излагают свои осознанные намерения. Вот так. Здесь все чисто, поверь.

Но мне верилось во все это с трудом. И Ваню уловил мои сомнения по ухмыляющейся физиономии.

– Ты это зря, Ник. Ты же не все знаешь. Если человека привело сюда отчаяние, креветки и вино уже не спасут. Просто здесь помогают безболезненно уйти из жизни. Помогают понять, что смерть – не самое худшее. А возможно, самое лучшее, что может дать жизнь.

Я и не подозревал, что Ваню умеет говорить так складно. Что ж, оказывается, он вовсе не так груб для его величества Искусства. И я с удовольствием стал слушать его дальше.

– Но тебе мой совет... – Он перегнулся через столик и задышал мне прямо в лицо дорогим вином и дешевым куревом. – Если еще не успел здесь обосноваться как следует и если уже в чем-то сомневаешься, лучше мотай отсюда. И побыстрее. Мотай и живи. Зачем тебе это? А? Запутался? Черт с ним! Завтра распутаешься! Ты же молодой, красивый! Я видел много киношек с тобой. И хороших! Ты талантлив, черт побери! Зачем тебе это?!

Может, он действительно прав? Я и сам уже подумывал об этом. Но любопытство все-таки брало верх. К тому же меня здесь вполне устраивали бесплатный ужин и прекрасная выпивка. А в сказки, что здесь каждый через пару-тройку месяцев добровольно наложит на себя руки, я с трудом верил, не сомневаясь, что в любой момент смогу встать и уйти. Я отрицательно покачал головой. И уже сам задышал в лицо Ваню дорогим вином и дешевым куревом.

– Нет, дружище! Может быть, мое отчаяние перевешивает все, вместе взятое, в этом зале. Ну и что, что я не могу

его сформулировать. Может быть, мне от этого в тысячу раз больнее. Ведь с конкретной бедой всегда можно бороться. А вот бороться с тем, что самому непонятно, что без конца исподволь мучает, практически невозможно. Потому что это – мираж, фантазия, миф. Я бессилен бороться с мифами. Но они меня мучат.

Все это я выдал на одном дыхании. Не без оснований надеясь на аплодисменты. И товарищи, как ни странно, меня поняли. Они задумчиво глядели на меня, и на их лицах я читал тихую грусть. Тихую обреченность. Они все-таки не зря оказались под этой крышей. Они действительно надеялись найти здесь выход из тупика. Но в чем состоял их тупик? Этого я еще не знал. Хотя уже отлично понял, в чем выход.

– Расскажите о себе, – просто попросил я их.

Они вновь одновременно улыбнулись абсолютно разными улыбками.

– Рассказами не ограничивается программа этого клуба, – ответил Ваню. – Здесь все гораздо любопытней, поверь.

– Если бы мы заикнулись на трагичных монологах, утешились бы мало, Ник, – поддержала его Вася. – В общем, тебя ждет сюрприз. – И она мельком взглянула на огромные мужские часы, смешно болтающиеся на ее худеньком запястье.

Вдруг неожиданно и некстати раздались мощные удары колокола. Я вздрогнул. Все находящиеся в зале, как по команде, вскочили со своих мест и принялись дуть на свечи,

низко свисающие над столиками в обрамлении бронзовых люстр.

– Туши! – крикнула Вася, пытаясь перекричать пронзительный звон. – Свою свечу туши!

Я по инерции вскочил со стула. И изо всей силы стал дуть на мерцающий огонек. Зал погрузился во мрак. Удары колокола прекратились. И наступила жуткая тишина, какая, наверное, бывает только в могиле. Легкая дрожь пробежала по моему телу. Казалось, вокруг никто даже не дышал. И я, подавшись настроению толпы, сидел, не шелохнувшись и задержав дыхание.

Наконец сцену осветили прожектора, и от внезапной яркости, режущей глаз, я зажмурился. Очнувшись, увидел великолепные декорации – при всем своем немалом профессиональном опыте я такой красоты еще не встречал. Пожалуй, мастерам нашей сцены следовало бы здесь поучиться, как воздействовать на психику и разум зрителя.

Прежде всего меня поразила достоверность увиденного. Пышный цветущий сад. Деревья с крупными сочными плодами. Трава, перемешанная с бутонами цветов. Ажурная беседка. Легкие подвесные качели. Низкое голубое небо. Все это было вполне реально, максимально приближено к натуре. И в то же время все элементы декораций выкрашены в очень яркие, слепящие цвета. Как в японских кинофильмах. Одновременно же они были расплывчаты, переходили один в другой, словно воспринимались человеком с плохим зре-

нием. Мне это напомнило сны. Болезненные мистические сны, после которых просыпаешься разбитым, с тяжелым чувством утраты прошлого и нелюбви к настоящему. И с неверием в будущее. После таких снов всегда хочется плакать. Потому что они недостижимы. Мгновенны. И неразгадываемы. Это были сны неуравновешенного человека с воспаленной психикой и больной совестью. Я уверен, похожие сны снятся многим из присутствующих. Эти сны были о невозможном – о счастье. Потому что счастье – это не то, что случается с нами на земле. Это – по-восточному яркие и в то же время расплывчатые цвета. Это – фосфоресцирующая зелень. Налитые золотом плоды. Ослепительной белизны беседка. Легкие, летящие на ветру качели. И иссиня-голубое небо над головой.

Вне всяких сомнений, перед нами предстал райский сад. Сад, куда бы мечтал попасть каждый, не желающий больше оставаться в этом захламленном, прокуренном городе, слышать визги автомобилей и крики раздраженных прохожих, хлюпать по грязным лужам и задавать один и тот же вопрос: зачем я живу?

Вдруг послышался шум крыльев. И на сцену влетела птичья стая с пестрым, ярким оперением. Птицы разлетелись по сцене и опустились на деревья, распевая звонкие, веселые песни. А на фосфоресцирующей траве показались павлины, гордо несущие свои золотистые головы и лениво поводящие своими фиолетовыми хвостами. Представление начиналось.

И, видит Бог, я хотел в нем участвовать.

Я всем сердцем погрузился в это райское зрелище. Сладко пели птицы. Играл на свирели молоденький златокудрый пастушок. Влюбленные целовались в ажурной беседке. Босоногие красавицы в расшитых холщовых платьях составляли причудливые букеты. И мускулистые парни в свободных рубахах собирали в плетеные корзины налитые золотом плоды. А в самом центре раскачивалась на серебряных качелях очаровательная женщина. Ее густые черные волосы касались колен. Огромные черные глаза блестели. Дугообразные черные брови выделялись на чуть бледном лице. Белоснежное длинное платье развевалось на ветру, слегка приоткрывая стройные ноги. Ее губы были алы. Изящные ручки вязали белое кружево. И на манящих коленях лежала золотая коса. Эта женщина казалась воплощением любви, мечты, покоя, счастья. При виде ее я уже не сморщился, как в первый раз, когда похожее изображение увидел на двери клуба. Напротив, затаив дыхание, я любовался этим совершенством, настолько желанным, насколько и доступным. Но в моей голове все-таки успела проскользнуть мысль, что я люблюсь не чем иным, как смертью, и желаю не что иное, как смерть. Черт побери! Если она и в самом деле так прекрасна и так прекрасно то, что ее окружает, я ни на секунду не пожалею расстаться с этой издерганной, озлобленной и грязной блудницей – жизнью. В моем воображении она уже выглядела именно такой. И я ее уже почти ненавидел.

А красавица чистюля Смерть запела в это время невинным голоском. О том, что она несет с собой. Ее песенка была ненавязчива, но убедительно призывала к себе, притягивала. Милашка с золотой косой пела о свободе, которую может принести только она. О счастье, которое может подарить только она. О гармонии, которую может дать только она. С особенной грустью она пела о жизни – об этом черновике, испisanном неровным почерком, с бесконечными ошибками. О том, что, как бы совесть человека ни была запачкана, эта красавица, черноокая и чернобровая, может избавить его ото всех ошибок, разочарований и бед. И только она поможет попасть человеку в этот райский уголок. А других мест после жизни не бывает. Потому что единственное, что объединяет судьбы людей, – это страдание в жизни и обязательное счастье после нее. Так что спешите осчастливить себя! И вы никогда об этом не пожалеете. В общем, бледнолицая умница с алыми пухлыми губами претендовала на роль самого господа Бога.

Во время спектакля во мне ни на секунду не шевельнулась ирония. Я так же замороженно, как все зрители, наблюдал это зрелище, ослепленный его красотой. В нем было много напыщенного, слащавого, фальшивого. И сюжет далеко не нов. И фразы не очень умны. И игра актеров не настолько уж профессиональна. В происходящее нельзя было верить. Но не верить в него тоже было невозможно. И я верил вместе со всеми. И во все. Это напоминало массовый гипноз, во время

которого известные в прошлом актеры, певцы и художники становились почти неузнаваемыми.

И только когда потухли огни ramпы и прожектора и вспыхнули свечи над столиками, я очнулся. И потрянул головой, словно после очень грустного, но милого сна. К моему удивлению, шквала аплодисментов не было. Хотя, без сомнений, зрелище этого заслуживало.

– Здесь не принято хлопать, – ответил на мои мысли Ваня. – Считается дурным тоном. К тому же это ведь не спектакль, разве нет? Спектакль – это мы. Жалкие геройчики жалкой пьески под жалким названием – жизнь.

– М-да, – неопределенно протянул я, мысленно все еще пребывая там, в сладком раю.

Но постепенно моя голова прояснялась. Может, врожденные цинизм и упрямство не давали мне надолго оставаться во власти только что увиденных иллюзий. Я попытался трезво во всем разобраться. Теперь стало вполне понятно, что завсегдатаи клуба могут запросто покинуть эту презренную жизнь. Главное – поверить в другую. Хотя одной веры мало. Тут, скорее, нужен фанатизм. Или... Или просто гипноз...

После этого представления мы с товарищами еще обменялись парочкой незначительных фраз, и я поспешил уйти. Мне нужно было время все основательно переварить. И хорошенько обдумать. Я направился домой. Конечно, моя душа жаждала лучшего прибежища. Но выбора не было. Главное – я решил ничего не рассказывать Оксане. Я не хотел ее

слез, ее жалости, ее попыток отговорить от опрометчивого шага.

Моя жена отворила дверь сразу после звонка. Она не спала. Она, как всегда, меня ждала.

– Ники, ты вернулся? Я так рада. Все хорошо?

И я, поддаваясь ее расслабляющему голосу, ответил:

– Да, Оксана, я вернулся. Но ничего хорошего.

Она попыталась обнять меня. Но я отпрянул.

– Не надо, Оксана. Мне, правда, плохо.

– Правда? – переспросила она, не поинтересовавшись, где я был. Она почти избавилась от такой дурной привычки.

И я, прокручивая в мозгу этот вечер, по сути бездарный и жалкий, попытался как можно ласковее сказать:

– Оксана! Милая моя Оксана! Иди спать. Иди! Я хочу побыть один, понимаешь?

Она понимала. В ее светлых умных глазах промелькнула тревога. Но она, не возразив, вышла из комнаты. Я остался один. Мысли путались. Видимо, мне необходимо было с кем-нибудь поделиться пережитым в этот вечер. И доверить это можно было только другу. Как ни странно, друг у меня оказался один. Лядов. И я ему тотчас позвонил.

– Привет! – как можно беззаботней дыхнул я в трубку, сделав вид, что мы с ним в этой жизни только и делаем, что перезваниваемся по ночам.

Лядов не удивился.

– Привет, – ответил он, правда, зевнув для приличия.

– Приезжай, Лядов, – сказал я ему. – Приезжай! Я расскажу тебе, как здорово все-таки не жить.

Он еще раз зевнул. И ответил:

– Ты это серьезно, Ники? Мне, например, и без твоих ба-сен не так уж плохо живется.

– Я знаю. Вот поэтому приезжай. – И, не дав ему шанса на отказ, бросил трубку.

Он приехал. И я так искренне обрадовался его появлению, пожалуй, впервые за наше многолетнее знакомство. У меня была бутылка водки, которую я купил по дороге домой. Как бы в отместку изысканному вину. Я решил, что кстати будет отметить именно с Лядовым мой сегодняшний визит в «КО-СА». Лядов с этого вечера стал для меня чуть ли не крестным отцом.

– Проходи, Вовка. – Я пропустил его вперед.

Сделав пару шагов, он застыл на месте. Потому что из спальни вышла Оксана. Я заметил, он чуть покраснел. И про-бурчал что-то непонятное, типа:

– Как я рад... Вы так прекрасно выглядите...

Оксана холодно ответила:

– Здравствуй, Володя.

И, гордо вскинув голову, скрылась в спальне.

Мне доставила истинное удовольствие эта картина. Я знал, что Лядов давно и тайно влюблен в мою жену. И всегда откровенно завидовал, что у меня такая умная, интеллигент-ная, красивая подруга жизни. Такая не похожая на других.

И так мне не подходящая. Мне, бездельнику с сомнительной репутацией. В этот миг я даже пожалел Лядова. Несмотря на его выхоленную внешность. На его безупречный костюм. И гладкую физиономию. Так или иначе, любили меня, а не его.

Мы выпили по рюмочке, закусив совсем не креветками в банановом соусе. Наконец я прервал затянувшееся молчание:

– Знаешь, Лядов, я побывал в любопытном местечке.

– В каком? – округлил он свои бесцветные глаза.

– В том, какое ты мне когда-то по доброте своей душевной рекомендовал.

– А... – неопределенно протянул он. И в его глазах мелькнуло подобие сочувствия к моей заблудшей персоне. – А я-то думал, ты выбросил эту чушь из головы. Поверь, Ники, я дал тебе этот адрес не затем, чтобы ты по нему направился. А для того, чтобы ты наконец осознал, что нужно многое менять в жизни. Тогда у тебя никогда не возникнет желания туда ходить.

– Ты такой добрый, Вова! – не выдержал я. – Но в любом случае – благодарю. Знаешь, за что? Ведь изменения в моей жизни все-таки произошли. Мне теперь гораздо приятнее будет просыпаться по утрам. Зная, что вечером есть куда отправиться. За это стоит выпить!

Я тут же разлил по рюмкам водку. Но Лядов лишь пригубил мое щедрое угощение.

– Завтра рано вставать, – пояснил он, – нужно быть в фор-

ме.

– Съёмки?

Он утвердительно кивнул. И в глубине души я ему позавидовал. Мне бы тоже не хотелось пить по ночам. Зная, что утром я буду нужен. Но мне утром необязательно просыпаться свеженьким. Даже наоборот. Несчастный вид более подходил мне, чтобы вечером вполне соответствовать образу самоубийцы. На сегодняшний день мы с Лядовым находились на разных полюсах Вселенной. Он был полон жизни и хотел жить. Моя жизнь по капле убывала из меня, и я даже мог почувствовать ее скорое завершение.

– Знаешь, Вовка, в этом, правда, что-то есть. Жаль, что я не могу тебя туда пригласить. Да и оно тебе надо? Но, честное слово, на жизнь уже смотришь совершенно другими глазами. Как на маленькую эпизодическую роль в кино. Вроде бы и нужна. Но быстротечна и незначительна. Вот так.

Лядов поднялся и попытался ободряюще улыбнуться.

– Ну, ладно, Никита. Я, пожалуй, пойду. Мне, правда, нужно...

Я замахал руками.

– Не оправдывайся. И спасибо, что приехал. Я хотел кому-нибудь рассказать. Хотя это странно, что слушателем оказался именно ты.

Уже в дверях он оглянулся. И старательно откашлялся.

– Как у тебя с Оксаной?

– С Оксанкой? – Я пожал плечами. – Наверно, как все-

гда. Все хорошо. И ничего хорошего. Но... – Я пристально на него посмотрел. – Но я тебе честно скажу, Вова. Даже если со мной что-нибудь случится, на нее не рассчитывай. Ты слишком хорош для Оксаны. И слишком правилен. Она не терпит себе подобных.

Лядов, не проронив ни слова, бесшумно прикрыл за собой дверь. Я вновь остался один. Наедине с начатой бутылкой.

– Никита, – позвала меня Оксана, зайдя в кухню с открыто-расстроеным видом. – Идем спать, Ник.

Я с тоской посмотрел в ее умные светлые глаза.

– Ты влюблен, Ник? – тихо спросила она.

– Идем спать, Оксана, идем. – Я взял ее за руку. – Идем.

Я так и не ответил на ее вопрос. Но про себя подумал, что, возможно, жена вновь предугадала мои будущие поступки. И меня где-то действительно поджидает любовь. Уже в спальне, лежа на кровати и слыша ровное дыхание Оксаны, я еле слышно процитировал:

«Быть может, и на мой закат печальный

Блеснет любовь улыбкою прощальной...»

И даже сам растрогался от этой фразы. А чтобы не расстроиться окончательно, поспешил крепко уснуть.

А на следующий вечер я, как заправский посетитель «КОСА», уже оживленно болтал со своими товарищами по несчастью – они мне все больше и больше нравились. И я думал, что глупо было открывать душу какому-то сомнительному Лядову, если нашел настоящих друзей.

По-прежнему светились три свечи над нашим столиком. И столик по-прежнему украшали вкусные блюда, включая салат из мидий в чем-то розово-лимонном, и кремоватый суп из шампиньонов, и снежно-розовое земляничное желе. Я наслаждался каждым съеденным кусочком и смаковал каждый глоток нежного, ароматного вина. К тому же передо мной сидел неплохой парень с квадратным подбородком, излучающий невероятную силу. В нем было что-то настоящее, несмотря на сомнительное прошлое. Еще передо мной сидела хрупкая женщина, напоминающая подростка-сорванца. С крашеной лохматой стрижкой. И заразительным смехом. Этакая серебристая лисичка. И она мне все больше нравилась. Я уже искренне подумывал, что все-таки неплохо, черт побери, жить! И почему, чтобы это понять, нужно обязательно прикоснуться к обратной стороне жизни?

– Ну-с, и почему же мы не желаем пребывать в этом не столь уж безобразном, как может показаться на первый взгляд, мире? – Первым делом я взглянул на Васю.

Она сощурила и без того узкие глазки и вздохнула.

– А ты как думаешь, Ник? Ты же умный. Ну, вот почему женщина может не хотеть жить?

Я пожал плечами. Тут и думать нечего.

– Конечно, потому, что ее бросил любовник, которого она страстно любила. Но это так скучно!

– Когда плохо, скучно не бывает.

– Так я угадал?

– Я же говорила, ты очень умный. – Вася задумалась. – Когда рушится целый мир, не очень-то охота жить, поверь. И меня гораздо проще понять, чем тебя. Ведь ты пожелал сломать себе шею всего лишь от счастья. Разве не так? Имея прекрасную жену. Прекрасный дом. Прекрасную работу.

– Ладно, не обо мне речь. Так неужели настолько хорош был тот парень, чтобы из-за него прощаться с целой жизнью?! На свете, знаешь, сколько славных ребят! Да я, к примеру, не так уж плох. – И, приняв соответствующий вид, я показал, насколько хорош.

Вася расхохоталась, показав свои острые зубки. Нет, она мне, определенно, нравилась.

– Ты очень неплох, Ник! Но, согласишься, я пришла сюда до того, как ты имел честь появиться. И я не подозревала, что на свете существуют такие милые парни. А если серьезно... Я ведь, правда, верила в идеальный мир. В идеальную любовь. А потом... Потом словно весь мир рухнул, отвернулся от меня. И мне теперь не хочется жить. Я знаю, что ничего идеального в жизни не бывает. Ничего. Знаю, что в любую минуту могут предать самые дорогие люди. Что уж говорить о не дорогих! Здесь же я узнала, что гармония существует. Но, к сожалению, не на нашей земле. А там... Там, далеко-далеко. Я хочу гармонии, Ник.

– Милая Василиса! Ты еще так молода! – протянул я с высоты своих прожитых лет. – И все с тобой случилось потому, что ты впервые влюбилась. И впервые познала предатель-

ство. Но это каждому необходимо пережить. Поверь, нужно положиться на время. И, поверь, люди любят не один раз.

– Вот с этим я и не могу смириться. Хотя, наверно, ты прав. И вообще я плохо переживаю боль. А моя боль была ни с чем не сравнима. – И в лисьих глазках показались две слезинки-жемчужинки.

И мне вдруг мучительно захотелось прижать ее к своей груди. И защитить, как ребенка, от обид и обмана. Я вытащил носовой платок и промокнул им накрашенные реснички девушки.

– Ну-ну, девочка. Все будет хорошо. Разве тебе с нами плохо? У тебя есть друзья. Они сильные. Ты только взгляни на Ваню. Да и я не так уж слаб. К тому же мы все несчастны. А братьям по несчастью всегда легче понять друг друга. И, может быть, даже найти выход. – Я повернулся к Ваню. – Ты тоже несчастен, Ваню?

Он развел своими огромными лапищами с яркой татуировкой.

– Побывав там, в зоне... В общем, трудно уже понять, что такое это самое счастье. Тем более трудно смириться с чужим. Ведь каждый совершает миллион ошибок. Но не все одинаково за них расплачиваются. Я, возможно, совершил только одну ошибку. И мне за нее пришлось заплатить своим будущим. Я потерял жену, дом, работу. Я теперь абсолютно никому не нужен. Никому. Как можно жить, зная, что никому нет до тебя дела? Скажи, как?

Я слегка пожал его руку.

– Но что может случиться с таким сильным, здоровым парнем? К тому же с первого взгляда можно понять, что ты не из подонков.

– Спасибо, Ник. – Вано посмотрел на меня с благодарностью. – Я, как и Вася, постараюсь быть кратким. Ты не обижайся на нас. Просто мы здесь уже давновато. И дважды рассказывать про боль трудно. И рассказы наши уже не так печальны. Мы на все уже смотрим другими глазами. И даже стараемся подшучивать над своим прошлым.

– Так что же случилось, Вано?

Он глубоко затянулся папиросой. И посмотрел куда-то мимо нас. Куда-то вдаль. Словно что-то пытался увидеть там. И что-то решить.

– Я потерял жену, дом... Странно... – Он невесело усмехнулся. – Парадокс... Но потерял, защищая жену и дом. Сцепился с одним подонком. Кстати, вполне обычная история. Хотя конец ее не так уж стандартен. Мы с женой возвращались поздним вечером. И этот тип... В общем, он был порядочно пьян и, думаю, плохо соображал. Он пристал к моей жене. Я вначале его и за соперника-то не принял. Он и воспользовался этим, отшвырнув меня. И я ударился головой. Но все-таки нашел силы подняться. В общем, я ударил его сзади. Камнем. У него был нож, Ник. И я защищался...

– Ты его убил?

– Слава Богу, нет. Хотя, пожалуй, следовало. Но...

– Но ведь это была элементарная оборона! Элементарная! Ваню поднял на меня тяжелый взгляд.

– Все не так просто. Этот подонок оказался сыном одного высокопоставленного чиновника. Вот так. Мое дело вел следователь – честный, в общем, порядочный парень. Он боролся за меня до конца. Но так и не сумел мне помочь. Отступился. И в итоге подписал мне приговор. А потом... – Ваню схватился за голову. – А потом эти кошмары в вонючих стенах. Грязные рожи. Крысы по ночам. Я вернулся больным, разбитым. А моя жена за это время успела полюбить другого. Я ее не виню. Она очень интеллигентная женщина. И сама мысль, что я в мерзкой дыре, на самом дне, пугала ее. Она не могла жить с человеком, который вернулся оттуда. Да и во время следствия я оградил ее от всего этого. Она действительно заболела, и я так устроил, чтобы она уехала на время. Ну, в общем, не в этом дело. Когда я вернулся, от меня почти все отвернулись. Поверь, многие брезговали подать руку. Заказы на работу прекратились. И в итоге – я здесь. – Он беззащитно улыбнулся своим беззубым ртом. – Здесь красиво. Здесь говорят о красивом. И здесь еще можно поверить в справедливость. Честь. Правду. Только, увы, только не на нашей земле.

Я смотрел на измученного человека, в глазах которого было столько страдания. На сильного, могучего человека, который по сути так слаб. И мне даже стало стыдно, что я не пережил и капли подобного, а вот нахожусь здесь. Но разве

страдания поддаются взвешиванию, вычислению? Если они просто есть. Я залпом осушил полный бокал вина.

– Меньше всего в твоей истории мне понравился следователь, – наконец подытожил я.

– Почему? – нахмурил густые брови Ваню.

– Не люблю половинки. Во всяком случае, ты дрался с подлецом. Но это очевидный подлец. Он, впрочем, этого и не скрывал. Его отец, конечно, тоже негодяй. Но он откровенно защищал сына. А следователь... Хороший, порядочный следователь, славный мужик... В итоге за всех подписал тебе приговор. Да, если он хороший, порядочный парень, черт побери, пусть бы лишился работы! Пусть бы пошел под суд вместо тебя! Пусть бы боролся за свою профессиональную честь! А это... Смазливый интеллигентские замашки, это игра в совесть... Самое мерзкое дело. Желание остаться чистым... На словах. И одновременно сделать грязное дело. Нет, неприятный тип. Если бы у него была совесть, он сидел бы теперь рядом с нами, в этой самой «КОСА», разве не так?

Ваню опять посмотрел куда-то вдаль, мимо нас. Но, о чем он думал, я, увы, не мог разгадать...

Потом мы, как и в прошлый вечер, дружно повскакивали с мест под таинственные удары колокола. И задули свечи. И вновь началось представление. Это был уже совсем иной спектакль. Хотя такой же красивый. На сцене в этот раз бушевали страсти, проливались слезы, сверкала ослепительная молния. И влюбленные герои, как и зрители, постигали луч-

ший выход из суматошной, опасной жизни, в которой царят хаос, ложь и предательство. Смерть. Смерть. Снова все подведено, профессионально, умно, ненавязчиво. Под одну черту. И иного выхода нет. Как всегда, прекрасная. Как всегда, несущая за собой блаженство и совершенство. Смерть.

Зрители перевели дух. И вновь вспыхнули свечи. А мои глаза и узкие глазки Васи почему-то встретились. Я заметил, как она смутилась и слегка покраснела. У меня хватило ума догадаться, что я ей нравлюсь. Она тоже мне нравилась. Но именно сейчас мне совсем не хотелось заводить любовную интрижку. Может быть, действительно пришла пора уже подумать о вечном. А может быть, Вася мне не просто нравилась. Здесь было что-то большее. Нас познакомило отчаяние. Боль. И большего отчаяния, большей боли я не хотел ей причинять. Между нами возникло в некотором роде братство. И я никак не желал его разрушить. А к большой любви я не был готов. Наверно, потому, что отлично понимал, что она не имеет будущего. И мы все отлично об этом знали.

– Ну что, Васенька, – улыбнулся я ее сереньким глазкам и поднял бокал. – Ты, правда, прелестная девушка.

– Правда? – лукаво улыбнулась она в ответ.

– Правда в другом, девочка. Я совсем недавно понял, что человек становится красивее от страданий. И становится, безусловно, роднее. Счастье делает человека глупым. А я не люблю глупых людей. Тем более женщин.

– А я вообще никого не люблю, – протрубил Ваню. И по-

смотрел на нас такими добрыми глазами, что мне показалось: перед нами сидит главный человеколюб на свете.

...Вечера в этом сомнительном клубе стали частью моей жизни. И я никоим образом не хотел их вычеркивать. В сомнительности «КОСА» я был уверен. Но тем не менее мне нравилось это место. Нравилось, что здесь постепенно утрачивался страх перед жизнью. А на остальное я закрывал глаза. И, просыпаясь по утрам рядом со своей умненькой, миленькой женой Оксаной, я первым делом думал о вечере. И почти не мог объяснить, какая сила тащит меня туда. В конце концов, имея все основания для полноценной жизни, я добровольно потянулся к краю пропасти. И в этом нашел счастье. Ну, почему все так вышло? Друзья? Может быть, встретиться они в другой обстановке – я и не обратил бы на них внимания? Иронизировал над их философией? И смеялся над этими мыслями? Любовь? Может быть, встретиться Вася в другом месте – я бы просто провел с ней ночь? И наутро сразу забыл о ней? Может быть... Но обстановка, место и время были иными. И я в очередной раз подумал, что и друзей, и любовь, и счастье нужно искать в беде. Только тогда это будет настоящим.

Как мальчишка, я бегал в «КОСА» и торчал там почти до утра. Отношения с Васей у меня сложились довольно странные и довольно милые. По-моему, мы влюбились друг в друга. И, по-моему, отлично поняли, что браки совершаются только на небесах. И только на небесах имеют свое продол-

жение. Мы не требовали многого от этой любви. Нам достаточно было смотреть друг другу в глаза. Слушать друг друга. И никогда не прикасаться друг к другу дрожащими ладонями. Так мы захотели. Но обстоятельства оказались гораздо сильнее нас...

Этот вечер был похож на множество других вечеров, проведенных в клубе. Мы, как всегда, наслаждались жизнью под бокал дорогого янтарного вина. Не любя эту жизнь, но вполне принимая все ее прелести. Болтали ни о чем и обо всем, что касалось нашего бессмысленного существования, обретавшего и смысл, и значение только перед смертью. И дыхание смерти здесь ощущалось постоянно.

Вася в который раз рассказывала о своей трагической любви. Наверное, в других условиях эти рассказы выглядели бы дешевым бульварным романом. Но здесь они приобретали иной смысл. И красивые слова не были пошлыми. И любовь гармонировала с миром. И из-за любви действительно стоило жить. Точно так же, как стоило и умереть. Любовь Васи была жертвенной и чистой. И я уже верил в такую любовь. И я уже верил, что она может заменить смысл жизни. Или стать им. И я уже верил, что такая любовь может равняться смерти.

Вано рассказывал о себе, о своей интеллигентной жене, о предательстве. Он тоже верил в высокие идеалы, сегодня превратившиеся в ничто. Он верил, что правда существует. Просто так выпали карты в его судьбе. И он не в состоянии

уже их перетасовать. Ваню, утверждавший не раз, что не любит людей, на самом деле их бесконечно любил. Несмотря на то, что именно люди с ним обошлись жестоко и несправедливо. И больше всех он доверял следователю, что когда-то вел его дело. Хотя и ругал его не раз последними словами. Для Ваню тот следователь превратился в какого-то идола, ратующего за спасение невинной души, но – в силу обстоятельств – так ничего для этой души и не сделавшего.

Я уже не перечил им. Я уже верил в то, во что верили и мои друзья. Может, потому, что мое представление идеального, гармоничного мира в чем-то совпадало с их мироощущением.

И все же в этот вечер случилось то, что и должно было случиться. Потому что слишком уж стало затягиваться однообразие.

Открылась дверь нашего клуба (как она отворялась тысячу раз), и вошел наш старый знакомый – маленький, прозрачнокожий швейцар (как он входил тысячу раз). За ним появился парень. Вообще-то новички здесь явление довольно редкое. Поэтому все дружно повернули головы. И почти замерли. Ибо спутником швейцара оказался не просто милый, прелестный, обаятельный и т. п. молодой человек.

От него исходило какое-то удивительное сияние. Какой-то нездешний свет. Он был красив. Тонкие черты лица. Ярко очерченные губы. Длинные густые волосы. Нежно-голубые глаза, в которых прочитывалась нескрываемая грусть. И

одежда на нем была довольно обычная для здешней публики. Длинное, до пят, серое пальто – его он почему-то не снял – и белый шарф, аккуратно брошенный на плечо. Я бы затруднился сказать, кто он по профессии. Безусловно, он принадлежал к этой суматошной богеме. И все же... По-моему, он был гораздо выше ее.

Молодой человек словно со стороны смотрел своими удивительными нежно-голубыми глазами на эту публику. На свечи, низко свисающие над столиками. На благоухающие цветы в вазонах. На полупьяные выкрики тусовщиков. На их хаотичные движения. Он словно не желал жить в этом мире. И принимать его.

Мне вдруг показалось, что он расстанется с ним раньше нас всех, и до боли в груди я пожалел этого парня. В нем было много и детского, и женственного, в хорошем смысле этого слова. А я всегда с трепетом относился к детям и женщинам. Может быть, поэтому я сразу же проникся к нему необъяснимым сочувствием. И, тут же переведя взгляд на Васю, абсолютно ничего не понял. Ее лицо покрылось красными пятнами. Узкие глазки вдруг широко раскрылись. Она сидела без движения, вцепившись мертвой хваткой в край стола. Я подумал, что она сейчас непременно грохнется со стула. И, чтобы вовремя предотвратить это, я схватил ее за руки. И изо всей силы их сжал. Ее руки были как ледышки.

– Васенька, что с тобой?

Она меня не слышала, и ее широко раскрытые глаза все

так же были устремлены в одну точку. Я понял, что ждать от нее вразумительного ответа бессмысленно. Поэтому перевел вопросительный взгляд на Ваню. И его лицо, скажу честно, тоже не светилось радостью. Такой злости я раньше в нем не замечал. И все же Ваня взял себя в руки и ответил:

– Туго соображаешь, Ник. Из-за чего девушка может потерять сознание?

– Вернее, из-за кого? – мгновенно сообразил я. – Впрочем, теперь я ее понимаю. Если бы я был романтической женщиной, я бы с первого взгляда влюбился в этого парня. Его внешность вполне соответствует романтическому, идеальному миру. Но, если честно, на подлеца он не смахивает.

– Тем хуже для нее. Подлеца всегда легче забыть.

– Что вы понимаете! Что вы... можете понять?! Что?! – вдруг закричала на нас Вася. И ее глазки с ненавистью забегали по нашим растерянными лицам. – Боже мой! Вы... Вы вообще неизвестно зачем здесь находитесь! – Она не выдержала и, закрыв лицо руками, беззвучно заплакала.

Мы и не пытались ее успокоить. Мы отлично понимали, что каждому своя беда ближе. Мы не пытались ее успокоить. Мы отлично понимали, что рано или поздно она успокоится сама.

В то время как за нашим столиком бушевали страсти, швейцар Варфоломеев подвел парня с благородными чертами лица к одному из столиков почти в другом конце зала. Варфоломеев ему что-то долго объяснял. Размахивал свои-

ми маленькими ручонками. Но тот, казалось, не слушал. Его лицо по-прежнему ничего не выражало. И его небесного цвета глаза рассеянно бегали по полутемному залу. На мгновение взгляд его задержался на нашем столике, но ничего интересного там не нашел. И у меня создалось впечатление, что он пришел в «КОСА» не просто послушать сказки о прелестях смерти. Этот парень явно кого-то искал. А Вася и почему-то Ваню, как по команде, уткнулись в свои тарелки и что-то старательно там выискивали вилками.

– Ну, Ваську еще можно понять, – рассмеялся я, – но ты-то, Ваню, от кого прячешься? Или у тебя с ним тоже были какие-то делишки? – И я многозначительно подмигнул своему товарищу.

Ему пришлось не по вкусу моя сальная шуточка.

– Отстань, Ник. Просто мне противно смотреть на таких ангелоподобных типов. Уж больно они чистенькие для того, чтобы это было правдой.

Вася неожиданно усмехнулась. Она уже смотрелась в крошечное зеркальце, припудривая свой остренький носик. Со вспухшими, покрасневшими глазами, под которыми от туши появились черные круги, она нравилась мне еще больше. И ревность слегка кольнула мое сердце. Этот парень выглядел лучше меня. К тому же, несмотря на то, что я нравился Васе, она еще принадлежала другому.

– Он меня не заметил? – спросила она, окончательно успокоившись.

Я отрицательно покачал головой.

– А где он сидит?

Я покорно описал его местонахождение.

– А с кем?

Я назвал имена двух известных киноактрис не первой свежести. Вася скривилась.

– Его всегда тянуло к женщинам постарше. Наверно, потому, что он был, есть и будет мальчишкой. Этакий вечный золотой юноша... А что он сейчас делает?

В общем, следующий час все продолжалось в том же духе. Вася задавала беспрерывные вопросы. А я, поскольку мне выпала честь сидеть лицом к этому парню, подробно отвечал. Короче, мне выделили роль шпиона и Васиной подружки одновременно. С этой ролью я неплохо справлялся. Впрочем, это было несложно. Стас (так звали Васиного сердцееда) в течение этого часа ничего выдающегося не совершил. Ни разу не проявил интереса к стареющим актрисам. Ни разу не зашумел. И ни разу, по-моему, вообще не раскрыл рта. Но его взгляд по-прежнему блуждал по залу в поисках кого-то. Но об этом я решил пока умолчать. Мне захотелось непременно узнать поближе этого пай-мальчика. И я поделился своим желанием с Васей. Она наотрез отказалась.

– Только не сегодня. Прошу. Только не сегодня. – И она посмотрела на меня такими влюбленными глазками, что я вообще наотрез отказался что-либо понять.

Трудно разгадать женщину. Особенно если она вначале

чуть не падает в обморок при виде своего любовника, из-за которого, кстати, желает наложить на себя руки, а уже через час ее глаза горят страстным огнем, глядя на другого. И я, все еще ничего не понимая, на всякий случай ответил ей таким же влюбленным взглядом.

– Впрочем, это так странно, что он здесь оказался, – сказала Вася, когда огонь в ее глазах потух и она вспомнила, что по сценарию должна страдать по Стасу. – Зачем? Зачем ему это место? По-моему, он был так счастлив с этой теткой, из-за которой бросил меня. Хотя, если честно, я очень рада. Я бы сама с удовольствием пришила его. Но он опередил мое желание.

– Ты так жестока, Вася. Я и не подозревал.

Она вновь глянула на меня. Но уже иначе – ее глаза были холодны.

– То, что он сделал со мной... Это... Этому нет прощения, Ник.

– А я считаю, прощение есть всему, – вставил свое веское слово Ваню, который до этого, казалось, не проявлял интереса ни к нам, ни к Стасу.

Вася нервно рассмеялась.

– А вот я так не считаю, Ваню. И кто же из нас прав?

– Никто, – решил я высказать что-нибудь умное по этому поводу. – Ведь критериев истины не существует. Но, думаю, ни за любовь, ни за нелюбовь судить вообще нельзя. Потому что и то, и другое вне нас.

– Какой ты умный, Ник. – Вася обиженно надула щеки. – А я думала, ты станешь на мою сторону.

– Я всегда на твоей стороне, Васенька. – Я пожал ее холодную руку. – Даже если ты не права. Я имею дурную привычку – всегда защищать женщин. Я слишком хорошо воспитан.

– Я в этом смогу убедиться? – И вновь горящий взгляд. В ответ я только развел руками.

Как ни странно и вопреки всякой логике, Вася настояла на том, чтобы я ее в этот вечер проводил. И я, вначале решивший не связывать себя никакими чувствами, в этот раз не устоял. Мы вышли из «КОСА» пораньше. У самых дверей Вася не выдержала и украдкой от меня оглянулась. Я перехватил ее взгляд. Стас сидел в той же задумчивой позе, и только его светлые глаза были подвижны. И все время кого-то искали. Кого?

– Ну все, Васенька. – Я схватил ее за локоть и подтолкнул к двери. – У тебя еще будет время налюбоваться своим рыцарем сердца.

– Время? – Она невесело усмехнулась. – Как знать, сколько у каждого из нас времени... Особенно здесь.

Несмотря на то, что было довольно поздно и гуляние под луной становилось небезопасным, мы все-таки решили не брать такси. В конце концов, не все ли равно, когда умирать. Сегодня или через жалкий месяц? Хотя все-таки хотелось попозже. Может быть, мы еще не успели вдоволь насытиться креветками и янтарным вином? А может быть, нам просто

хорошо было идти вот так. Взявшись за руки. В свете круглолицей луны. Под шорох падающих листьев. Под грустную мелодию моросящего дождя. Такое возможно только в семнадцать лет. Нам было далеко не семнадцать. Но умирать в любом случае не хотелось.

– Если бы мы состояли в клубе книголюбов, то могли бы поболтать о прочитанной книжке, – нарушила молчание Вася. – А если бы в клубе филателистов, я бы похвасталась новой ценной маркой.

– А если бы в клубе анонимных алкоголиков, – продолжил я за нее, – я бы рассказал, сколько не выпил за сегодняшний вечер бутылок джина.

– Но увь. – Вася нарочито громко вздохнула. – Теперь нам остается говорить только о смерти. Ты как, готов? Какую предпочитаешь? Повеситься, отравиться или броситься под автомобиль?

– Вообще-то... Вообще-то не совсем подходящее для этого разговора время. Вот если бы мы шли через кладбище... А так, подумаешь – крошечная тьма. Лампочки в фонарях разбиты. И кругом – ни души. – Я для убедительности оглянулся. Оказалось, что я не прав: чья-то тень проворно мелькнула за угол дома. Да уж. Чего только ночью не привидится.

– Ты что? – рассмеялась Вася. И ее хрипловатый смех разбил глухую тишину. – Испугался?

– Да нет. – Я пожал плечами. – Послушай, девочка. Мы пройдем с тобой вот так еще метров пять, и ты резко обер-

нешься, чтобы успокоить меня, что я не страдаю галлюцинациями.

Васю это еще больше развеселило. Казалось, она ничего не боится. Но наверняка эта смелость была вызвана моим присутствием. Она чувствовала себя уверенно рядом со мной. И я решил ее не подвести. В нужный момент она резко обернулась, но уже не рассмеялась, как раньше, а вцепилась в мой локоть и зашептала:

– О Ник! За нами, по-моему, следят! А вдруг это красавица смерть уже ходит по нашим следам?

– Или кто-то ненавязчиво хочет ее к нам подтолкнуть...

– Нет! Что ты! В этом клубе никогда такого не случилось! Это факт! Исключительно – самоубийства! И ничего более. Иначе бы закон...

– Закон? – перебил я ее. – О справедливости и гуманности закона ты можешь спросить у нашего общего друга Вано. Он его отработывал семь лет.

– Перестань! Это неумно! Этот клуб давно бы прикрыли! Да и вообще! Кому может быть выгодна наша смерть? Какая польза от того, что мы погибнем? Да зачем мы им нужны?! Кто мы – дельцы? Банкиры? Президенты? Или ты – миллионер и оставил в пользу клуба свои миллионы?

Несмотря на то, что Вася говорила достаточно громко, мы все-таки услышали позади шорох листвы. И одновременно резко повернули головы – чья-то тень скользнула в густые заросли на обочине дороги, и ветки зашевелились. Это ста-

новилось уже не смешно.

– Да, она уверенно идет за нами по пятам, – испуганно шептала Вася.

– Почему она? – прошептал я в ответ. – Это вполне может быть и он.

– А ты заметил длинный шарф, заброшенный за плечо?

– Миллионы мужиков носят шарф, который они время от времени забрасывают за плечо. К примеру, твой воздыхатель.

Но Васе было не до воспоминаний.

– Ты тупо соображаешь, Ник, – вновь шепнула она, прижавшись ко мне так, что ее губы почти касались моего лица. И я бы покривил душой, сказав, что мне это было неприятно. – Мужик если и забрасывает шарф, то никогда не прикалывает его к воротнику.

– А ты что, заметила булавку? Или она была бриллиантовая и светилась в темноте?

– Мне не до шуток. Но в твоем уме я уже стала сомневаться. Неужели ты еще не понял? Человек с молниеносной скоростью бросился в гущу кустов. Если бы шарф не был закрепен, он бы так аккуратно не удержался на плече. Нет, это, определенно, женщина. – Вася упрямо потрянула взлохмаченной головкой.

– Кто бы это ни был, в любом случае веселее взять такси. Или ты еще раз хочешь проверить свои детективные способности?

Нет, Вася уже ничего не хотела. И через некоторое время мы неслись на такси в нужном направлении. Кстати, по довольно счастливой случайности, поскольку в это время и в этом месте мы и не чаяли так быстро поймать машину. Забравшись в салон, мы сразу же успокоились. Все-таки иногда приятней ехать в пробензиненной, душной машине, чем гулять пешком, дыша озоном и любуясь природой. И мы даже подзабыли о загадочной тени с длинным шарфом, преследующей нас. И списали ее на кромешную ночь. На шум осенней листвы. И на хмель после выпитых бутылок вина. Вася задремала у меня на плече. И когда машина остановилась, я легонько потрепал ее по щеке. Но она не просыпалась.

– Жаль будить, – улыбнулся таксист.

– Да это и необязательно, – улыбнулся в ответ и я.

Я взял осторожно девушку на руки и вынес из машины. Она успела еще в клубе сообщить свой адрес. Я нес ее на руках по тяжелой лестнице на последний этаж. Вася была легкой, как перышко. И лишь у дверей она захлопала ресницами и спросила:

– Что? Где я?

– Тс-с-с. – Я слегка зажал ее рот ладонью. И, найдя ключ в кармане ее плаща, отворил двери. Вася опять уснула, и я подумал, что так крепко могут спать только дети. А еще люди с чистой совестью. И я, не включая света, уложил ее осторожно на тахту, сняв только верхнюю одежду. А сам улегся рядом. Хотя и не был ребенком. И моя совесть была не так

уж чиста. Я тоже погрузился в крепкий сон.

Проснулся я от ее пристального взгляда. Она низко склонила свое остренькое личико над моей небритой физиономией. И дышала на меня зубной пастой, душистым мылом и дождливым ранним утром.

– Привет, Ник.

– Привет, – только и успел я ей сказать. Потому что она крепко, до боли, обняла меня. И так же крепко, до боли, поцеловала. И я, так и не успев толком проснуться, провалился вместе с ней в сладкий сон нашей любви...

Опомнились мы позднее, еще находясь в объятиях друг друга. Вот тогда я окончательно проснулся. И подумал, что не так уж плохо просыпаться именно так.

– Привет, Ник!

– Привет.

Мы замолчали. Скорее – от неловкости. Хотя были далеко не дети. Я попытался преодолеть неловкость шуткой:

– Жаль, что я не вор и не насильник.

– Почему?

– Такая была классная возможность сегодня ночью тебя ограбить и изнасиловать.

– Ну, во-первых, кое в чем ты преуспел утром. И утром же тебе ничто не мешает меня ограбить. Только, увы, нечего брать.

– Увы.

Мы рассмеялись. И еще теснее прижались друг к другу.

– Но ночью, Вася, поверь, гадости делать веселее.

– Не грусти, Ник. Зато я убедилась, что ты не лгал, когда говорил, что хорошо воспитан.

– Нет, Васенька. Я нагло, бесстыже тебе лгал. Просто я так крепко уснул, что на остальное у меня не хватило ни сил, ни желания. Но, поверь, если бы я слегка перебрал в клубе, ты бы смогла увидеть мое второе, истинное лицо.

– Твое второе лицо – это я, Ник.

Я грустно улыбнулся. И потрепал ее по розовой теплой щеке.

– Может быть. Может быть.

– Ник. – Вася прильнула ко мне. – Так не хочется умирать, Ник.

– Мы будем жить долго-долго, – уверенно ответил я. – И переживем всех благодетелей «КОСА». Ты мне веришь?

Она молчала. По всей видимости, не верила.

– Знаешь, мне кажется, если у чего-то есть начало, обязательно будет и конец.

– Необязательно. И, если дела в клубе обстоят именно так, как ты утверждаешь, если игра идет по всем правилам, нам нечего бояться.

– И все равно страшно.

– В таком случае, зачем ты позвала меня вчера к себе, зачем заманила? Ты ведь сама решила что-то изменить в жизни. Или есть совсем другая причина? Ты увидела его и решила заглушить свои страдания мною?

– Все не так, Ник. Когда я его увидела, это была просто боль. Больные воспоминания. Я уже любила тебя. И уже не хотела умирать. Тем более из-за него. И мое пребывание в клубе стало бессмысленным. Когда я его не видела, я жила прошлой обидой. И считала, что это честно – уйти из жизни по его вине, из-за того, что ему удалось разрушить, уничтожить мой мир. Но вчера... Он мне показался таким мелким, расплывчатым, смазливym. По сравнению с тобой. Таким мерзким чистюлей, играющим в лорда Байрона. Какой он, к черту, Байрон?! Скорее – Пьеро. В общем, я поняла, что нам с тобой есть для чего жить. Я не права?

В ответ я погладил ее пепельные густые волосы. Прикоснулся губами к пересохшим губам. Это было красноречивей всех слов. Нам было для чего жить.

Она проводила меня до порога, смотрела влюбленными глазами в мои влюбленные глаза.

– Ник, я так рада. Нам незачем больше туда идти. Правда? Мы сами спаслись и спасли друг друга. А все эти игры со смертью – просто чушь. Правда? Мы теперь можем встретиться в другом месте. Там мы будем танцевать и петь дифирамбы жизни.

– Вася... – Я пожал ее руку. – Как бы тебе объяснить? Я ловлю себя на мысли, что в «КОСА» меня завлекла не жажда смерти. Хотя, не спорю, вначале это было. Но теперь... Это, скорее, жажда правды. Я хочу понять. Слишком уж все там чисто, щедро, чтобы быть правдой. Я пойду туда, Вася. Не

обижайся. К тому же я вчера по глупости не доел порцию прекрасных кальмаров в лимонном желе. А ты... Тебе туда лучше не совать носа. Поняла?

– Только ли в поисках правды причина, Ник? – Вася пристально на меня посмотрела. – Может быть, есть что-то другое? Тебя ведь тянет туда. Правда? Это как наркотик. Тебе хочется быть там. Слышать все, что говорят о смерти. Да? Ответь, Ник!

– Я слишком силен, чтобы поддаваться таким странным наклонностям. Перестань, Вася. И я тебе приказываю не показываться там. Поняла? Я позвоню.

И, не дожидаясь ответа, я быстренько выскользнул за дверь. И уже на улице, оглянувшись и задрав голову, весело помахал Васе рукой.

Домой я возвращался, что называется, согнув спину и понутив голову. В общем, с меня можно было писать картину «Возвращение блудного сына». Хотя об истинном возвращении можно было еще поспорить, потому что мысленно я был еще рядом с Васей. Но в то же время мне действительно было стыдно перед Оксаной. Она не заслужила такого. И хотя раньше я не раз возвращался по утрам, сегодня мне было особенно не по себе, потому что в воздухе запахло любовью и умная, проницательная Оксана могла это уловить. Тем более раньше я фактически не лгал ей. Мои связи не стоили того.

Но сегодня я вдруг понял, что не смогу проронить ни еди-

ного слова о Василисе. Мучения совести обострялись еще по той причине, что еще совсем недавно я гордился собой. Гордился, что запросто смогу устоять перед соблазнительным ликом любви, что смогу честно смотреть в глаза жене. Несмотря на то, что в последнее время я пропадал ночами, но ни разу не упомянул ей о «КОСА», она каким-то чутьем угадывала, что я занят чем угодно, только не любовью. Оксана была предельно спокойна. Но сегодня... Сегодня я мог положиться только на свой актерский талант, который давным-давно растратил.

– Привет, Оксана. – Я бодро улыбнулся. По-моему, слишком бодро.

– Ник... – В ее глазах промелькнула тревога. – Ник, я действительно волновалась. Куда только я не звонила. Но...

– Ну, Оксана. Я же тебе говорил, что теперь занят одним важным делом. И не стоит меня разыскивать. Когда-нибудь я сам тебе все объясню. – Я старательно успокаивал ее. И перестарался.

– И все равно... – Она улыбнулась. И обхватила мою шею руками. – Все равно, я так рада тебя видеть, Ник. Я без тебя пропаду.

Это было выше моих сил. Ни одного шанса на разрыв отношений. Боже, Оксана! Что ты с собой делаешь! И что ты делаешь со мной! Ты же лучшая из лучших. Ты не можешь пропасть без такого ничтожного типа, как я. Но вслух я сказать этого не мог. Она смотрела на меня жалобными, полны-

ми слез глазами. И я искренне прижал ее к себе.

– Ну, успокойся. Успокойся. Все будет хорошо, – от чистого сердца сказал я. Но она мне не поверила.

Оксана засуетилась. Стала собирать сумочку. Накинула плащ. Перебросила длинный шарф через плечо и аккуратно приколола его булавкой. И только тут я вспомнил. И нахмурился. И призрак прошлой ночи мне показался гораздо реальнее.

– Что-нибудь не так, Ник? Прости, но я опаздываю в поликлинику. Ты, конечно, голоден. Боже, как я сразу...

Я перебил ее на полуслове:

– Я раньше не замечал, что ты шарф прикалываешь булавкой.

– Я в этом не оригинальна. Все женщины так делают.

– А мужчины? – невпопад ляпнул я.

– Мужчины? – Она рассмеялась. И пожала плечами. – Не знаю. Если честно, такие мужчины наводят на подозрения. По-моему, это не по-мужски.

Она торопливо поцеловала меня.

– До вечера, Ник.

– До вечера, – задумчиво протянул я.

Неужели Васька оказалась права? Неужели за нами следила женщина? Но этот факт я все же решил перепроверить. Путем социологического наблюдения.

Этим вечером я раньше всех явился в «КОСА» и околачивался в зеркальном холле. И таращился на всех, как баран.

Больше всего в деталях осеннего туалета меня интересовали шарфы. И что самое смешное, на что я раньше не обращал внимания, — это факт, что все на свете представители творческих тусовок носят осенью шарфы. Они разного цвета. Но все без исключения длинные. И переброшенные через плечо. На собственном опыте я убедился, что Вася права. Абсолютно все женщины прикалывают их булавками, чего нельзя сказать о мужиках. У меня уже рябило в глазах от многоцветья этих тряпок. И я понял, что дурак тот, кто утверждает, что мужчина и женщина отличаются по физиологическим признакам. Нет! Сегодня я сделал величайшее открытие! Представительниц прекрасного пола отличает исключительно умение носить шарф.

В общем, я порядком устал, наблюдая за этой публикой. К тому же стоять идиотом и пялиться на вошедших здесь было не принято. Не каждому охота демонстрировать свое членство в «КОСА». Недаром в зале всегда царил полумрак и лица узнавались с трудом: каждый желал остаться в тени.

Поэтому со мной неохотно здоровались. И, пряча глаза, старались как можно быстрее прошмыгнуть мимо моей откровенно любопытной физиономии. Вот юркнул Староверский, в прошлом известный певец. Он старательно прикрылся от меня широкополой шляпой. Но бесполезно. Я нарочито вежливо ему поклонился чуть ли не до пола. Помню, когда-то он с примитивным голосишком и смазливой внешностью выплыл на гребне эстрадной волны. Не без помощи ин-

трижки с известной певичкой. Но, по всей видимости, скоро ей чем-то не угодил, раз очутился в «КОСА». Переоценил, бедняга, свой талант и свою внешность.

Прикрываясь вуалью, проплыла павой в прошлом известная актрисочка, внешность которой позволяла разве что стоять у прилавка. Но поскольку она была из серии «детей великих отцов», ей доставались пылкие роли великосветских красавиц.

Ха, неужели и Красновский посещает столь печальные заведения? И неужели тоже меня «не заметит»? Ну, конечно! Как бы он ни мечтал скрыться, сила профессиональной привычки оказалась гораздо сильнее, и он широко улыбнулся мне, обнажив ряд ровных белых искусственных зубов. Когда-то за его исключительно очаровательную улыбку этот красавчик был признан секс-символом нашей бедной страны. Плюс – супергероем за то, что с помощью каскадеров отважно побеждал негодяев. Впрочем, насколько мне известно, про секс-символ и супергеройство он придумал сам. Сам в это поверил. И заставил поверить очаровательных зрительниц с мерой интеллекта «90х60х90». А окончательно их покорило умение Красновского говорить с легким иностранным акцентом, хотя ни одного иностранного языка он так и не осилил. Несчастлива страна, у которой такие секс-символы, такие супергерои и преклонение перед такой «очаровательной» улыбочкой со вставными зубами.

В общем, единственные, кто пожелал не только заметить

меня, но даже поговорить, – это два журналиста.

В былые, более счастливые времена я имел честь давать им интервью и более-менее их знал. И был уверен, что уж им-то помирать, точно, незачем. К тому же я был твердо убежден, что они собирались жить вечно на этой земле и наверняка проникли в «КОСА» с единственной целью – унюхать жареное. И, когда придет время (а оно обязательно придет), выложить все на страницах самых пикантных газет.

– О Ник! – наперебой заорали они, радостно хватая меня за руки.

Но я этой радости с ними не разделил. К тому же я отлично помнил наши прошлые встречи. Один из них, кажется, Залесский или Заславский, обожал вопросы типа: «А с кем вы провели ночь?» Причем сам же и отвечал, но уже на страницах бульварной прессы, во время беседы так и не дав раскрыть рта собеседнику. А если тот умудрялся вставить парочку слов, то Залесский-Заславский сильно обижался.

Второй из них, кажется, Богемский, с внешностью круглолицего чиновника, действовал примерно теми же методами, хотя считался самым умным в журналистских кругах. И его вопросы были покруче, к примеру: «Ваше экзистенциальное развитие не позволяет деформации аспектов в выражении вашей реминисцентной логики?» Но в этом случае уже собеседник был не в состоянии что-либо ответить. Поэтому Богемский с успехом, длинно и тягуче отвечал за него.

Одним словом, меня не прельщала беседа с этими типа-

ми. Я кое-как умудрился от них ускользнуть и, спрятавшись за мраморной колонной, довольный, потирал руки. Времени прошло не зря. И я успешно перемыл кости всем присутствующим потенциальным смертникам. Я в некотором роде почувствовал себя умным Чацким, попавшим с корабля на бал. И мне стало грустно, что я не умею писать. Иначе я повторил бы подвиг великого Грибоедова и непременно написал бы «Горе от ума». Вот тогда бы, уж точно, моя жизнь не была бы прожита зря.

Пока я занимался самоанализом, в дверях появился Стас. И мне предоставилась прекрасная возможность познакомиться с этим начинающим Байроном. Он стоял у входной двери. Бледноватое лицо. Плавные жесты выражали отрешенность и безучастность. И, как всегда, только небесно-голубые глаза были на удивление подвижны и вновь кого-то искали. Наконец его взгляд ненадолго остановился на мне и, не проявив интереса к моей заурядной персоне, проскользнул дальше. Жаль, что он не понял по моему выражению, что я потенциальный Грибоедов.

Впрочем, Стас не заинтересовался никем из присутствующих и принялся медленно снимать шляпу, пальто, шарф. И тут я заметил, что он аккуратно вытащил булавочку, приколотую к воротнику, и положил в блестящее портмоне. М-да. Оказывается, существуют на свете парни, предпочитающие именно таким способом носить шарф. В Васиной безукоризненной версии появились белые пятна. Наконец я решился

и подошел к этому благородному, утонченному красавчику.

– Вы новичок? – как можно обаятельнее улыбнулся я ему.

Но он в ответ хихикать не собирался – ни один мускул не дрогнул на его бледном лице, и его глаза смотрели сквозь меня. Ответил он машинально:

– Новичок? Да, пожалуй.

– Когда-то, лет пять назад, я имел честь видеть вас на международном конкурсе бальных танцев «Осенний букет». Так, кажется, он назывался.

– В Вене... – вновь машинально протянул он, даже не глядя на меня.

– Именно! – обрадовался я, хотя Вены я не видел даже во сне. Да и бальные танцы, пожалуй, меня меньше всего интересовали. Вот футбол – это да! Правда, одна маленькая танцовщица... Но я тут же себя перебил и вновь стал изощряться, насколько умел: – Вы там блестяще выступили! Я преклоняюсь перед вашим талантом! Сколько легкости, грации! Сколько мастерства и духовности!

Наконец он, кажется, обратил внимание на мой бредовый поток слов. Недаром я все-таки общался с Богемским.

– Конкурс? – Он вопросительно взметнул угольные брови, так удачно гармонирующие с его бледным цветом лица и голубыми-голубыми глазами. – Ах, да. Это было так давно. Но, думаю, успех я имел потому, что моей партнершей оказалась прекрасная танцовщица, – равнодушно упомянул он о Васе. Воспоминания его не тронули никоим образом

– он машинально поклонился, как на арене, и, не проронив ни слова, направился в зал. Плавной, грациозной походкой. Чуть приподняв голову вверх.

Что ж, мне в зеркальном холле тоже уж больше нечего было делать. Не любоваться же в зеркало своей потрепанной физиономией. И я в отместку Стасу (хотя тому на меня было глубоко плевать) вприпрыжку поскакал в зал. Размахивая руками. И абсолютно тупо улыбаясь.

– А почему Вася задерживается? – спросил Ваню вместо приветствия. – Вы, кажется, вчера вместе смылись?

– Полагаю, милый Ваню, она сегодня не придет. И вообще больше не придет.

– Уж не пришел ли ты ее? – Ваню сделал страшные глаза.

– Увы! Хотя таких возможностей был миллион.

– Ну и на том спасибо, – улыбнулся беззубым ртом Ваню.

– Кстати, Ваню, я сегодня сделал гениальное открытие. Ты никогда не станешь секс-символом нашей бедной страны. Во всем виновата улыбка. И, ко всему прочему, ты – уникум в этом кругу Мельпомены. Ты единственный из них не забрасываешь шарф на плечо, а носишь его исключительно под пальто. Крест-накрест. Как добропорядочный служащий. Ты в прошлом, случайно, не чиновник?

На секунду, как мне показалось, его глаза выразили замешательство, но тут же вновь обрели природную мягкость.

– Что ты, Ник, – усмехнулся Ваню, – видимо, в своем уголовном прошлом я разучился правильно носить шарф. Там

они, знаешь ли, в дефиците.

За милой светской беседой мы не заметили, как к нам подбежала Вася. Запыхавшаяся, раскрасневшаяся. Она с шумом бухнулась в атласное кресло и тряхнула короткими волосами, в которых путались капельки дождя.

– Васька? – подскочил я на месте. – А ты что тут делаешь? Она перевела дух.

– Фу, странный вопрос, Ник. Ты что, считал, я покинула этот мир? Насколько мне известно, из этого клуба уходят только на тот свет. Нет уж, уволь. Мне пока и здесь неплохо. К тому же я сильно проголодалась. – И, не дожидаясь ответа, она набросилась на еду, жадно запивая ее вином. С полным ртом она бросала невразумительные фразы: – Ну и вино! Его пьешь, как воду. И никогда не пьянеешь. Только легкое головокружение. И прекрасное, умиротворенное настроение. Я не стану алкоголичкой, случайно?

– М-да, любопытное свойство вина, – неопределенно протянул Ваню. – Я такого раньше не встречал на своем жизненном пути.

А я, выработавший за последний час привычку смотреть исключительно на одну деталь туалета, присвистнул:

– Васенька! Какой чудный у тебя шарфик! Почему ты прикалываешь его детским значком, а не булавкой?

Она ничего не поняла и, продолжая жевать, промычала что-то типа: «У тебя что, не все дома?»

– Ты кушай, кушай спокойно. Я с чистой совестью могу

исключить тебя из числа подозреваемых. Потому что не верю, что твоя тень вчера могла отделиться от тебя и следить за нами.

Она наконец дожевала, радостно вздохнула и рассмеялась.

– А я совсем и забыла про эту чушь!

Вано нахмурился.

– За вами вчера следили?

Вася махнула рукой.

– И за тобой бы следили, Вано, если бы ты шел темной улицей, без единого светящегося фонаря да после нескольких выпитых бутылочек этого прелестного винца.

– И все же, Васенька, – вставил я, – все же одну любопытную деталь я заметил. Как бы провел социологическое исследование. Почти все женщины действительно прикалывают шарф к воротничку.

– С сегодняшнего дня я буду единственной женщиной, которая этого не делает. – И она сорвала значок с шарфа, приколотого к пушистому свитеру, бросила его в налитый до краев бокал. И значок заискрился янтарным цветом.

– Красивый жест, Вася. Твой бывший дружок на это вряд ли способен. Он предпочитает аккуратность во всем.

– Ты о чем? – нахмурилась девушка.

– Стас, как ни странно, подобно женщинам, прикалывает шарф булавкой. И это наводит на некоторые подозрения.

– Фу, – выдохнула Вася, – я не хотела говорить тебе, но

это единственный на свете парень, который так делает. И при этом остается парнем.

– В последнее утверждение я безоговорочно верю. Иначе что бы ты с ним так долго делала?

– Перестань, Ник, – не ответила на мою шутку Вася. Ее лицо мгновенно преобразилось: стало серьезным и чуть-чуть печальным. Вновь легкая ревность кольнула мое сердечко. И я сразу же решил перевести разговор на другое.

– Кстати, о друзьях. Проводя одно социологическое исследование, я пришел к другой закономерности, утвердившейся в наших кругах, – плохо подражая своему приятелю Богемскому, выдал я.

Васины глазки вспыхнули любопытством. А Вано даже перестал пить и почесал свой квадратный подбородок.

– Дело в том, – продолжал я с пафосом, – что на нашей элитарной тусовке вы не встретите Кать, Свет, Галь, Наташ. Эти имена слишком просты для искусства. И дурак тот, кто сказал, что все гениальное – просто. В нашем прекрасном, умном богемном круге царят иные имена. А именно – все прекрасные и, не боюсь повториться, умные представители мужского и женского пола называются не иначе, как Алевтины, Анжелики, Кассандры, Артуры, Богданы и непременно – Стасы! Впрочем, я могу продолжать бесконечно. Да и фамилии отличаются не меньшей изысканностью. И я прихожу к выводу, до чего же высокоинтеллектуально наше искусство. Ведь творчеством, ну, посудите сами, невозможно, нелепо и

просто глупо заниматься с какими-то элементарными именами – Андрей или Лида. Гораздо лучше работается, когда тебя величают Андроном или Ладой. Разве не так? Чувствуется весомость. Плюс к этому – легкий иностранный акцент... Все! Человек нашего круга! Знаете, нас за рубежом, наверно, очень уважают. Мы так умеем ценить собственное достоинство!

– Чего ты так разошелся, Ник?! – перебила мои умные рассуждения Вася. – Ты-то чем лучше? Ты же не Никита. Ты-

– Ник! Даже наш бедный Ваню, хотя и дали ему кликуху в зоне. Он же не Ванька! Он Ва-но! А? Звучит?

– Ты, Васенька, не намного от нас отошла, – ухмыльнулся беззубым ртом наш товарищ Ваню. – Хотя и русское вроде имечко. Все равно редкое.

– М-да, – недовольный Васиными подколками, протянул я. И тут же себя успокоил: – Ну, во всяком случае, мы не выдумывали себе эти дурацкие имена и фамилии. Да и без иностранного акцента пока обходимся.

– Вот поэтому, дурачок, и занимаем не самые почетные места в зале, – добавила Вася. – Гений сказал, что все гениальное – просто. Но негении это всю жизнь оспаривают.

– Ладно, по отдельности это еще можно перенести, – не сдавался я. – Но когда за одним столиком собираются Корнелия, Аделаида и Сюзанна, от этого можно просто чокнуться!

– Или Ник, Василиса и Ваню, – вновь съязвила в мой адрес Вася.

– А тебя вообще здесь не должно быть в наличии. – И я ей почти сурово погрозил пальцем. – Неужели так невтерпеж было меня увидеть?

– Да уж! В твоей неотразимости я не сомневаюсь. Но, кстати, не только на тебя потянуло.

– На кого-то еще? – нахмурился я.

– Ни на кого! А на что! Серьезно, Ник. Меня, правда, какая-то сила притянула сюда. Ты ведь знаешь, я честно решила завязать с этим благотворительным заведением. Но к вечеру... Помнишь, я говорила... Как наркотик. Не могла удержаться. И причем хотелось не просто увидеть вас с Ваной и поболтать по привычке. Захотелось посмотреть спектакль... Утром я очень хотела жить. Но к вечеру меня вновь помимо моей воли разожгло любопытство. Захотелось побольше узнать о смерти. Вновь почувствовать ее. Вновь...

– Перестань, Вася! – оборвал я ее монолог. – Мне это не нравится.

– Мне тоже. Но, согласись, Ник, ты испытываешь похожие ощущения, – неожиданно поддержал девушку Ваня. – И я тоже. Довольно странная штука происходит, не правда ли?

– Интересно, твой бывший ухажер испытывает то же самое? Или его притягивают сюда совсем иные цели? – не выдержал я, обращаясь к Васе.

Ее глазки зажглись любопытством.

– Он здесь? – спросила она.

– Угу, – как можно безразличнее промычал я, взглянув

на столик Стаса. – Он сейчас пребывает в окружении Стеллы Кремлевской и Аделаиды Венедиктовой. Но словоохотливым его не назовешь, к сожалению. И любезным тоже. А дамочки от него просто балдеют.

Вася скептически усмехнулась.

– Когда надо, Ник, он бывает чересчур словоохотлив. И чересчур любезен. Особенно если нужно заарканить очередную дурочку. Вообще-то он предпочитает дамочек со связями.

– Я, по всей видимости, не произвел впечатления дурочки. Или дамочки со связями. Вот он и не клюнул на мое желание познакомиться.

– А что он сейчас делает? – Вася пропустила мимо ушей мои слова – ее внимание было сосредоточено исключительно на Стасе.

Я не выдержал.

– Может быть, тебе описать, во что он одет! – закричал я, стукнув кулаком по столу так, что обратил на себя внимание соседей. – Или рассказать, что он в данный момент проживает? Сейчас! Все изложу на блюдечке! Вот только жаль, миленькая, не смогу сказать, какую думу думает этот придурок! Я, к сожалению, не телепат!

Не на шутку рассердившись, я демонстративно отвернулся от Васи, всем видом давая понять, что мне с такими легкомысленными девицами разговаривать не о чем. Но через минуту я вздрогнул от ее нежного прикосновения.

– Извини, Ник. Я не знаю, поверь, не знаю, что на меня нашло. Я просто так ляпнула.

– Еще раз ляпнешь – и, клянусь честью, я его пристрелю!

– Фу, какие страсти бушуют за нашим благовоспитанным столиком, – остановил нас Ваню. – Кстати, Ник, если хочешь его пристрелить, он к твоим услугам. Но секундантом я быть не желаю. Хватит мне и одного срока. – И Ваню, подмигнув нам, неожиданно поднялся и смылся в холл.

И тогда я увидел Стаса. Своей грациозной походкой танцора он направлялся прямо к нам. Его сопровождал управляющий Толмачевский. А Вася машинально закрыла лицо руками, словно так пыталась спрятаться от своей прошлой несчастной любви. Но Стас смотрел мимо нас. И поначалу даже не узнал Васю.

– Друзья, позвольте вас познакомить с этим прекрасным, умным, талантливым человеком. Виртуозом своего дела, – как всегда, высокопарно начал свою речь Толмачевский, пощипывая тоненькие черные усики.

– Стас, – поклонился бывший дружок Васи. И его взгляд рассеянно пробежал по нашему дуэту и, лишь остановившись на Васе, заметно оживился. Даже одна его черная густая бровь взметнулась вверх. Но на этом изящном полете брови все и закончилось. Ни один мускул больше не дрогнул на его лице. И хотя он вежливо попытался улыбнуться, это смахивало на улыбочку потенциального мертвеца. Да, тут все карты биты. Васю разлюбили окончательно и беспо-

воротно. Если вообще когда-либо любили. Бедная девочка. Разве стоило из-за какого-то смазливового идиота накладывать на себя руки? Да еще зная при этом, что он аккуратненько прикалывает свой мерзкий шарфик булавочкой.

– А ты что здесь делаешь, Василиса? – равнодушно, ради приличия удосужился он спросить Васю.

– Мужиков ловлю, – огрызнулась она. – Да побогаче. Чтобы перед смертью успел оставить мне завешание. А смерть здесь, ох, как не за горами, – радостно заключила она.

Но Стас никоим образом не отреагировал на ее эмоциональный ответ. Он равнодушно пожал плечами. И его взгляд вновь забегал поверх наших голов.

– Вы знакомы? – приторно улыбнулся Толмачевский, стрательно рассматривая золотой перстень на указательном пальце. – Что ж, это упрощает задачу.

– Какую задачу? – любопытствовал я.

– С удовольствием объяснюсь. – Наконец он перестал любоваться кольцом. И его раскосые глаза уже пристально разглядывали каждого из нас. – Дело в том, что в нашем клубе изначально существует обычай. Все члены «КОСА» обязаны хоть раз участвовать в театральном представлении. Уже прошло достаточно времени со дня вашего появления здесь. И теперь пришла ваша очередь показать на сцене все условности нашей бральной жизни. Постараться убедить зрителей, что жизнь не стоит слез. Что на свете существует нечто гораздо высшее, чем жизнь. Нечто гораздо более духовное и

умиротворенное.

Управляющий не смог назвать вещи своими именами и прибегнуть в высокопарной лексике, которой он страдал, к далеко не высокопарному слову «смерть».

– Как я поняла, мы должны в скором времени удивить публику? – сморщила свой острый носик Василиса.

– Не удивить, а покорить, – поправил ее Толмачевский. – И не в скором времени, а не иначе, как завтра.

– Завтра? – Мы с Васей подскочили на месте.

– Зря вы так удивляетесь. Мы всем даем лишь сутки на подготовку. И это нормально. Тем более для таких талантливых личностей, как вы. К тому же, как вы сами понимаете, драматургия здесь не Бог весть какая. Да и акцент делается вовсе не на нее. Точнее, не на фабулу, а на внешние эффекты. На экспрессивную игру актеров. На музыкальное сопровождение. На костюмы и пластику. Мы вам даем только направление. А остальное – дело ваших рук. Вашего ума и таланта. Поверьте! Нет ничего лучше экспромта! Только он способен выявить суть и правду. И заставить поверить других.

Мне трудно было согласиться с Толмачевским. Но иного выхода у нас не было. Пришло время отдавать долг. Мы сами выбрали эту игру. И теперь обязаны следовать ее правилам.

Управляющий еще долго и нудно беседовал с нами. Каждому наметил роль. И удалился, только объяснив суть спектакля. Воцарилось неловкое молчание. Я мысленно ругал

Вано за то, что тот испарился. Не иначе, как в холле разглядывает свою приятную физиономию в зеркалах. Вано мог бы вполне разрядить эту неприятную обстановочку.

– Ты же новичок в клубе, – наконец перебила гробовое молчание Вася, обратившись к Стасу. – Ты бы мог и подождать. К чему такая спешка? Насколько мне известно, очень многие уходили в мир иной после премьеры. Или ты туда так спешишь?

Стас растерялся. И я даже его пожалел. Он вообще производил впечатление рассеянного уставшего человека, которому было действительно все равно – жить или умереть.

– Спешу? – машинально переспросил он девушку. – Не знаю... Может быть... Хотя хотелось бы не так скоро. У меня есть еще кое-какой неразрешенный вопрос... Впрочем... Впрочем, вам это не интересно.

– Конечно, нет, – пожала плечами Василиса. Хотя сама явно сгорала от любопытства.

– А вот мне очень интересно, – прямо сказал я. – Вы ведь кого-то ищете. Правда, Стас?

– Откуда вам это известно? – Мне показалось, он встревожился. И впервые меня разглядел как следует. – Постойте! Мне ваше лицо очень знакомо!

– Здесь много знакомых лиц, – скромно ответил я. И не менее скромно добавил: – Я, позвольте представиться, в прошлом известный актер. Задоров. Ник Задоров.

– Задоров? – Его светлый голубой взгляд вновь рассеян-

но забегал по моему лицу. А сам Стас, казалось, что-то усиленно пытался припомнить. – Задоров... Да, может быть... Может... Но я плохо знаю отечественный кинематограф. Я долго был за границей. Конечно, ваша фамилия мне знакома. Но... Нет! Я уверен. Нет! Скажите, где я мог вас видеть?

– Лично я вижу вас впервые. Следовательно, мы с вами не были знакомы прежде.

Он нахмурился, уставившись в одну точку и низко опустив голову над столом. За своими воспоминаниями о моей скромной персоне он не заметил, как подошел Ваню.

– Наконец-то! – радостно воскликнул я. – Где ты так долго блуждал, старик? Мне не терпелось сообщить тебе прекрасное известие. Завтра твою небритую физиономию и отсутствие передних зубов будут иметь честь лицезреть наши приятели по несчастью.

На мои вопли Стас резко поднял голову и взглянул на Ваню. Их взгляды встретились. И, если честно, мне эта встреча не понравилась. Стас вздрогнул и побледнел. А обычно добрые глаза Ваню в одну секунду стали жесткими и холодными. Конечно, можно предположить, что они с первого взгляда не понравились друг другу. Да и где уж тут понравиться?! Холёный чистюля Стас в стиле мечтателя Байрона никак не гармонировал с огромным лысым Ваню в его излюбленной яркой, цветастой рубашке. И все же мне показалось, что дело не в сиюминутной личной антипатии. Мне показалось, что они были знакомы раньше. Хотя каждый из них сделал вид,

что это не так.

– Вано, – прохрипел мой друг. И пристально посмотрел на Стаса.

Тот уже взял себя в руки и попытался улыбнуться.

– Вано? Любопытное имечко. Вы так не похожи на грузина.

– Думаю, тебе лучше молчать, на кого я похож! – рявкнул Вано. И демонстративно повернулся спиной к Стасу.

Мне их разговор пришелся не по вкусу. Но, в принципе, мне не было дела до их личных проблем. И я тут же, чтобы разрядить обстановку, принялся подробно рассказывать Вано о предстоящем спектакле.

– Да перестань ты, Ник, – пытался отказаться от этой затеи мой товарищ. – Какой из меня артист! Да зрители сразу же разбегутся, увидев мою рожу на сцене. Пусть этот красавчик играет сколько душе угодно. – Он кивнул на Стаса. – Тем более ему не впервой изображать из себя негодяя.

– Стас как раз будет играть благородного героя, – вставила свое слово Василиса. И незаметно в знак благодарности пожала руку Вано. Ей очень понравилось, что тот обозвал ее бывшего друга негодяем.

Честно говоря, мне не очень-то нравилось, что в нашем творческом коллективе царят недоброжелательность и разлад. Я так работать не привык. А поскольку я был среди них единственным профессиональным артистом, то решил взять бразды правления в свои руки.

– Все! – строго отчеканил я. – Мне лично абсолютно все равно, за что вы все друг друга ненавидите или любите. Я знаю одно: к завтрашнему вечеру мы должны быть готовы выступать. Или вы хотите опозориться? И подвести наш великолепный клуб, в котором всегда царят покой и согласие?

– Угу, – не выдержал Ваню, с недоверием воспринимая мою серьезность, – как в могиле.

– В отличие от могилы, – поправил я остроумного Ваню, – здесь ты прекрасно можешь пожрать и выпить. Бесплатно. Должны же мы как-то отплатить за безвозмездную заботу о нас.

– Один уже отплатил, – усмехнулся Стас, глядя туманным взглядом в свой туманный пустой бокал.

– Ты о чем? – не понял я.

– Вы разве не слышали? Сегодня покончил жизнь самоубийством Матвей Староверов. Выбросился из окна. Впрочем, чему вы удивляетесь? Разве не за этим сюда идут? И разве вы лично не за этим здесь? – почти равнодушно добавил он, но по его грустному взгляду я все же понял, что ему далеко не все равно.

Конечно, Стас прав. И все же, глядя на смерть, изучая ее досконально, готовясь к ней, мы еще по-настоящему с ней не столкнулись. Я отлично помнил Староверова. Он когда-то был известным и очень даже неплохим диктором телевидения. Интеллигентный, не крикливый, талантливый. Я не знаю, по какой причине его уволили. Скорее – он не

устроивал своей порядочностью. Скромностью. Тактичностью и правдой. Сегодня в почете было другое. Хихиканье, фамильярность и просто хамство. Плюс – обязательный легкий акцент. Так, видимо, кому-то представлялись раскованность и свобода по-американски. Что вполне компенсировало недостаток ума и вкуса. М-да, при господстве таких типов на экране немудрено, что люди выбрасываются из окон.

В зале раньше обычного раздались удары колокола. Мы, вскочив с мест, задули свечи. И «КОСА» погрузилась в темноту, в которой я обостренной обычного почувствовал бессмысленность происходящего. Мои мрачные мысли перебил вспыхнувший прожектор. Он осветил огромный портрет ведущего, держащего в руке микрофон. Его глаза лукаво нам улыбались. Воцарилось гробовое молчание, после которого на сцену вышел Толмачевский, чтобы сообщить нам о гибели Староверова. Но его речь не была грустной. Напротив. Он ободряющим тоном уверял нас, что Матвей обрел истинное счастье. И гармонию, которую так долго искал, но не мог найти на этой земле. Его мучения завершились. И только теперь действительно началась его новая жизнь. Прийти к ней безболезненно и достойно помог не иначе, как наш клуб.

В конце своей речи управляющий призвал выпить по бокалу вина в память об усопшем и посмотреть спектакль, посвященный ему.

После выпитого (и не одного) бокала вина и после спектакля, изображавшего последние дни жизни покойного, всем

стало гораздо легче. Нам была показана трагедия этого человека, не сумевшего приспособиться к сегодняшней жизни, пустой, лживой, хамской. И смерть, дохнувшая на нас горечью, вновь приобрела иной смысл. И мы вновь ее не боялись. И подсознательно чувствовали, что каждый из нас может бесстрашно последовать примеру Староверова. Но для этого каждому было отпущено свое, определенное время.

— Ну, что ж, — мрачно выдавил я, — поскольку мы еще живы, то обязаны сделать наш спектакль. И ночь придется нам сегодня не поспать. Ну-с. Начнем со сценариса.

А сценарис, мягко говоря, не отличался ни совершенством, ни оригинальностью замысла. Нам пришлось много поработать над ним. Мы уединились в маленькой гримерной, где нам никто не мог помешать. Надо сказать, что, несмотря на разногласия личного характера, царящие в нашем квартете, в творческом плане у нас царило полное взаимопонимание. Забыв на время про все свои симпатии и антипатии, мы с удовольствием и поразительной энергией схватились за работу. К тому же каждый хотел отвлечься от мрачных мыслей в связи со смертью Матвея.

Я же вообще почувствовал себя на коне. Меня вновь увлекла моя профессия, от которой я когда-то устал и которую по собственной глупости бросил. Сегодня я вновь ощутил пьянящий вкус творчества. И с благодарностью бросился в бессонную ночь творческих поисков, с радостью наблюдая за одухотворенными лицами своих товарищей по искусству.

Сценарий был действительно слабенький. Но к утру мы придали ему нужную форму и приличное содержание. Мы успели даже несколько раз порепетировать, успели найти в клубе профессионалов, чтобы в спектакле нашем были на уровне музыкальность, пластика и художественность.

Когда ранним утром мы возвращались домой, дождь, ливший всю ночь, прекратился и в воздухе царила пьянящая осенняя свежесть. Солнце еще не взошло. Но уже ощущалось его появление. Мир просыпался, оживал, дышал на нас сентябрьской влагой и мокрой листвой. Мы не обращали внимания ни на лужи под ногами, ни на почерневшие ветки деревьев. Нам дышалось легко. Нас сегодня объединила работа, о которой мы все забыли в погоне за какими-то смутными желаниями, купаясь в море надуманных мук и страданий. И каждый из нас наверняка подумывал, что жизнь не так уж дурна. Особенно если в ней есть достойная цель, а рядом – верные товарищи. Я же вообще чувствовал себя полным идиотом. Мне давно следовало сниматься в кино или играть на сцене, а не торчать в этом подозрительном клубе с пошлым названием «КОСА».

– И все-таки мы сочинили спектакль о красоте смерти, хотя каждый думал о красоте жизни, – словно отвечая моим мыслям, сказала Вася.

– Мы просто играли по тем правилам, которые нам предложили изначально, – возразил я.

– А я думаю, не в правилах дело, – скептически заметил

Вано. — Я поймал себя на мысли, что мне нравится изображать смерть красивой. Думаю, я в этом не одинок.

Мы промолчали. Мы были согласны. И только Стас, взглядываясь в утреннюю бесконечность, задумчиво ответил:

— Не знаю... Но я решил, что никогда добровольно не уйду из жизни. Никогда.

— Значит, в «КОСА» действительно творят чудеса. Помогают не только безболезненно покинуть наш мир, но и безболезненно вновь вернуться туда.

Стас остановился и, подняв с земли опавший лист, машинально стал крутить его.

— Не знаю, — вновь задумчиво протянул он. — «И осень нас заставит уйти из жизни, как потемневшую листву...» Я не помню, чьи это стихи. Но их часто цитировала моя мама. Она не любила осень. И осенью умерла. Как же я могу поверить в красоту смерти? Или в красоту сентября?

Мы молчали. Мы не знали, что сказать. Для беспредельной грусти трудно подыскать верные слова.

— Мне направо, — перебил наше молчание Стас. — Завтра я с вами увижусь в последний раз. У меня нет больше желания посещать этот клуб. И все же, — он обратился непосредственно ко мне, — где я все-таки мог вас видеть? Или ваш портрет...

— Это так важно? — Я пожал плечами.

— Может быть, может быть. Мы никогда не знаем, что важно, а что не очень, — неопределенно сказал он. И машиналь-

но протянул мне почерневший осенний лист. И я так же машинально его принял.

Стас, вяло кивнув нам на прощание, пошел прочь медленной походкой, так ни на кого и не глядя. Втянув голову в плечи. И прикуривая дрожащей рукой сигарету. И вновь неприятное предчувствие кольнуло меня. Мне стало искренне жаль этого растерянного, поникшего парня. И я долго смотрел вслед его стройной фигуре, вяло сжимая в своей ладони осенний листок.

– Жаль, что он покинет нас, так и не застрелившись, – по-черному сострила Вася. – А я уже представляла цветы на его свежей могиле.

На сей раз мне пришлось не по вкусу ее цинизм. И я хмуро промолчал.

– Ну что, до завтра, – зевнул во всю пасть Ваню, позволив вдоволь налюбоваться его беззубым ртом. – Вернее, уже до вечера.

– И не забудьте явиться пораньше, – сухо сказал я. – Мы еще должны хотя бы разок все прогнать.

Мы разошлись в разные стороны. Не знаю почему, но настроение у меня испортилось. То ли ночь без сна, то ли унылое лицо Стаса не давали покоя, то ли дурные предчувствия преследовали меня. И я, так и не выбросив осеннего листка – подарка Стаса, поставил его в глиняную вазу. А строчка неизвестного стихотворения назойливо крутилась в моей голове:

«И осень нас заставит уйти из жизни, как потемневшую листву...»

Но уже вечером, отлично выспавшись, я пребывал в прекрасном настроении, списав утренние дурные предчувствия на очарование унылой поры. Я возбужденно бегал по квартире, распевая во всю глотку, начищая костюм, ботинки и тщательно бреясь. Да, давненько со мной такого не случилось. И Оксана, внимательно наблюдая за мной, была приятно удивлена.

– Ты, Ник, словно перед премьерой.

– Ты почти угадала, милая, если жизнь заново можно назвать премьерой.

– Вот как? – рассмеялась она. – А в этой жизни заново для меня будет местечко?

Кошечка скребнула по сердцу. Оксану, если честно, в своей новой жизни я представлял смутно. Вот Вася... И я постарался перевести разговор на другое:

– Оксана, ты не видела мой галстук? Помнишь, ты мне его подарила лет пять назад? Мода, безусловно, меняется, бежит вперед. Но я за ней не гонюсь!

– А я вообще предпочитаю старые вещи. – В светлых глазах Оксаны мелькнул азартный огонек.

– М-да? Что-то не замечал за тобой любви к антиквариату.

– Не к антиквариату, милый. А к старым привычкам, привязанностям, – уже из другой комнаты крикнула Оксана и, вернувшись, бросила мой галстук на журнальный столик.

Я уже собирался его взять, как мой взгляд упал на раскрытую вечернюю газету, на первой полосе которой красовалась веснушчатая физиономия Вовки Лядова. Вначале я, грешным делом, подумал, что это некролог. Но глубоко ошибся. Лядов умирать не собирался. Напротив. Он получил какую-то премию за какой-то фильм под актуальным названием «Дурачье». Название говорило само за себя. Но, поскольку на сегодняшний день от нашего кинематографа нечего было ждать, Лядов удачно вписался в кинопроцесс. Не знаю, кого он так гениально сыграл – дурака или умника (я склонялся к первому). Но премию он получил за высокохудожественное отображение действительности в роли главного героя. И Лядова в этой проникновенной статье называли уже не просто Владимиром. А почтительно – Вольдемаром. В общем, для полного счастья ему оставалось откорректировать фамилию. Не знаю почему, но статья меня взбесила. Слабо верилось в культурное возрождение. Если на экране появляются фильмы с такими названиями. И такими физиономиями.

Я со злостью отшвырнул газету – она упала на пол.

– О Боже, – выдохнула Оксана, поднимая ее, – я совсем забыла про эту чушь. Впрочем, Ники, я не думала, что тебя это так расстроит.

– Я печалюсь о нашей культуре, дорогая, – попытался отшутиться я.

– Да, – серьезно ответила Оксана. И нацепила на нос свои

кругленькие очки, к помощи которых она все чаще стала прибегать в последнее время. И мельком взглянула на улыбающуюся самодовольную рожу Лядова. – И есть о чем печалиться, Ники, – как бы извиняясь, добавила она. – Я была на премьере этого идиотского фильма, Вова пригласил меня. Трудно было отказаться.

– Зачем ты извиняешься? – Я пожал плечами. – Ты вольна бывать где угодно. И с кем угодно. Тем более я не такой уж частый гость дома.

– Не частый, но желанный, – улыбнулась Оксана. – Я искренне жалею, что пошла туда.

– Неужели все так плохо?

– Все как всегда. Фильмик дешевенький. Как всегда – беспросветный мрак. Герои какие-то идиоты. К тому же слабые трюки, голые смазливый красотищи, и в центре – Лядов с жалкими философскими потугами. Терпеть не могу этого типа. И как ты с ним только дружил?

– По молодости, милая. – Я нежно обнял Оксану за плечи. – Тогда все казались умными и образованными. Где это теперь? Но я очень счастлив, что в этом мире остались еще такие, как ты.

– И как ты, Ник. – Она прижалась ко мне.

И я вдруг подумал, что обладаю бесценным сокровищем. Особенно теперь, когда наша жизнь опутана лицемерием и жалким снобизмом. Чего еще мне, дураку, надо? И тут же я вспомнил о Васе. Еще мне нужна любовь...

Собрались мы в «КОСА» этим вечером, как договаривались, пораньше. Пока еще не появился столичный бомонд. Вася по случаю премьеры надела длинное, до пят, крепдешиновое платье в мелкий цветочек. А Ваню сменил нейлоновую рубашу в красных розах на похожую, но с изображением цветущих васильков.

– Ты как весна, Ваню, – не выдержал я. – Цветешь и пахнешь. – И тут же галантно поклонился Васе. – А вы, девушка, ну, просто нет слов...

– Жаль, – обиженно надула подкрашенные губки Василиса, – я обожаю красивые слова.

– Красивые слова мы побережем для сцены. Но почему нет Стаса? – нахмурился я. – Неужели юноша все еще пребывает в меланхолическом сне?

– Скорее, наш Пьеро пребывает у девицы, обожающей меланхолические сны, – съязвила Вася.

– Васенька, – погрозил я ей пальцем, – после спектакля разрешаю тебе подраться со Стасом. Или убить его. Но в данный момент прошу не трогать нашего самого красивого артиста.

Но особо долго я Стаса не защищал, поскольку спустя еще полчаса он так и не удосужился появиться – и я уже откровенно крыл его всеми существующими нецензурными словами.

– Ну что ж, – заключил я, когда поток ругательных слов иссяк, – придется репетировать без него. Но это ему дорого

обойдется.

Мы кое-как провели генеральную репетицию, а затем принялись за художественное оформление спектакля. Много декораций нам не понадобилось. В театральных костюмах мы также не нуждались, отвергнув принятую в «КОСА» пышность оформления: как я уже упоминал, мы решили сделать акцент на содержании. Эмоциональности. Душевной экспрессии.

В работе я подзабыл о существовании Стаса. Но, когда клуб стал заполняться посетителями, я заволновался и стал поглядывать на часы.

Стас появился, когда я утратил всякую надежду на это. Он прибежал запыхавшись. Его взмокшие волосы торчали в разные стороны. Плащ был забрызган грязью, и ботинки оставляли грязные следы. Да, таким я не ожидал увидеть этого красавчика и чистюлю и уже было собрался раскрыть рот, чтобы высказать все, что я о нем думаю, но он опередил меня:

– Ник, отойдем на минутку. – И, не дожидаясь ответа, потащил меня в темный угол за сценой. – Ник, – захлебываясь, начал он, – Ник, я вспомнил, где тебя видел! Вернее, твое изображение...

– И по этому случаю ты срываешь спектакль?! – заорал я. – А может, ты в меня тайно влюблен?! И жертвуешь всем, лишь бы узнать обо мне побольше?!

– Успокойся, Ник. Все не так. В общем, не о тебе я хотел

узнать. Все не так. Я давно подозревал, Ник! Я узнал такое! Это ужасно, Ник! Весь этот клуб... Это...

Его отрывистые вопли были перебиты ударами колокола, донесшимися из зала. Вот-вот должен был открыться занавес, и я с трудом утащил Стаса подальше от сцены.

– Все расскажешь потом, Стас. Нет времени. Ты, надеюсь, не забыл роль?

– Все в порядке, Ник. Но дай слово, что выслушаешь меня после спектакля.

– Честное благородное, – второпях бросил я, отчаянно пытаюсь привести взлохмаченного приятеля в порядок.

Занавес открывался. В зале уже были погашены свечи. Вспыхнули огни ramпы. Наше представление начиналось, и я молил Бога, чтобы оно прошло удачно. Этого требовала моя профессиональная честь.

На сцене мы разыгрывали незатейливую историю, воспетую еще Шекспиром. Это была история Ромео и Джульетты. Простенький сюжет о пылкой, самоотверженной любви молодых людей, перед которыми стал выбор: жизнь или смерть. Жизнь в не любви, в не радости, в не свободе. Жизнь поодиночке. И смерть, которая несет с собой и любовь, и радость, и свободу (во всяком случае, они верят в это), ибо они умирают вместе.

Мы намеренно представляли совершенно реалистически. Сюжет, по нашим планам, был максимально приближен к жизни, к земле, к людям. Мы не хотели запутывать исто-

рию, усложнять надуманной философией и нагружать тайным смыслом. Здесь правда должна быть просто правдой. А ложь — ложью. Любовь — только любовью. А ненависть — ненавистью.

Не знаю, аплодировал ли бы нам Шекспир, но театральные критики, несомненно, съели бы нас, обвинив в примитивизме и бездарности. Но нам на них было глубоко плевать, поскольку им не предоставится возможности поиздеваться над нашим спектаклем: он появится и умрет в стенах этого клуба. А жить будет всего один день.

На театральных подмостках вовсю бушевали страсти, в центре которых были Вася (Джюльетта) и Стас (Ромео). Они великолепно подходили на эти роли. Почти дети. Столько наивности! Столько веры в добро и счастье! Я внимательно следил за их игрой, и у меня невольно щемило сердце: они словно бы играли в свое прошлое, словно пытались искренне воссоздать картину их ушедшей любви. И диалоги придумывались почти экспромтом. А возможно, они их и не придумывали, просто повторяли прошлое. И Васины щечки горели румянцем, и я мог поклясться чем угодно, что в эти мгновения она начисто забыла про меня. Стас, который разлюбил Васю окончательно, вдруг сегодня, в этот вечер, на этой сцене, вспомнил абсолютно все. Он вновь любил.

Они шли по уже испытанному кругу, мысленно задавая себе вопрос: почему все случилось именно так, если им было так хорошо вместе? Их глаза горели огнем и страстью.

И это была отнюдь не игра, они снова любили. И зажигали этой любовью зрителей. И заставляли верить, что на свете существует любовь. Мне становилось больно от этого, хотя я прекрасно понимал, что прошлое невозможно вычеркнуть из памяти. Рано или поздно оно настигает каждого. Я не представлял, как они будут смотреть друг другу в глаза после спектакля, ведь рано или поздно рассеется иллюзия театральной рампы. Рано или поздно они вновь будут стоять на земле и думать: «Боже, что это было?» Мне было немного жаль их, потому что я отлично усвоил, что прошлое можно лишь воспроизвести – вернуть его невозможно...

Нам с Ваном в этой пьесе были отведены роли злодеев. Я приложил все умение, чтобы сыграть профессионально. Холодный взгляд черных глаз. Презрительная ухмылка. Равнодушные жесты. Ван же абсолютно ничего не смыслил в актерской игре, и у меня возникло беспокойство, что он провалит спектакль. Но я ошибся. Я понял, что отсутствие лицедейства можно прекрасно заменить внешними данными. Ван и впрямь никого не изображал, но беззубый рот, лысый череп и татуировка на волосатой руке говорили сами за себя.

Ставку мы сделали на эпилог, где были обязаны – по законам «КОСА» – изобразить смерть красивой. Но мы не собирались показывать саму красавицу смерть. Мы решили и героям, и зрителям не предоставлять права выбора. Мы просто загоняли их в угол, говоря о том, что и в самых безвыходных ситуациях есть выход. Он единственный, но он есть.

И это не что иное, как смерть. Она может уничтожить тело. Но убить душу, убить любовь – никогда. Для наших героев в жизни главным была любовь и смерть – по сравнению с ней – выглядела всего лишь эпизодом. Впрочем, как и сама жизнь. Ни жизни. Ни смерти. Только любовь. Да здравствует любовь!

Мы подошли к эпилогу. Вася-Джюльетта в крепдешинном платице, усыпанном мелким цветочком, в самом центре сцены. В глазах – столько боли и столько любви! Любви к Стасу-Ромео, стоящему напротив нее. Он бледен. Небесно-голубой взгляд, уже нездешний. Он пронизан тоской и неизбежностью. И еще верой. В победу любви. На заднем плане мы с Ваню – два злодея, сумевшие загнать в тупик героев, но не сумевшие загнать в тупик любовь.

Вася тоненькими дрожащими руками протягивает чашечку с ядом.

– Выпей, любимый, – еле слышно произносит она, – выпей. Только так мы победим зло. Только так обретем покой и счастье.

Он берет из ее рук чашечку. И пьет медленными глотками. Его губы шепчут в ответ:

– Я не прощаюсь с тобой, любимая. Я не прощаюсь...

И он медленно опускается на пол. Вдруг я читаю ужас в его глазах. Черт побери! Стас испортил всю сцену! Он перечеркнул весь спектакль! Идиот! Не ужас, а счастье! Счастье должно быть написано на его мертвенно-бледном лице! И

я за спиной Вано отчаянно жестикулирую, объясняю Стасу, что еще не поздно переиграть. Но этот упрямец неумолим. Он тяжело дышит. И что-то шепчет пересохшими губами. Но я не слышу его слов. Он морщится, словно от невыносимой боли. Стонет и издает громкий вздох. И на его бледном лице по-прежнему написан ужас.

Мои кулаки сжимаются от негодования. Да уж! Красавица смерть с лицом, полным ужаса. Этот эпизод не входил в планы. И вряд ли может понравиться владельцам «КОСА». Наверняка этот холеный красавчик сделал все назло мне. Он вновь полюбил Васю. И решил отомстить за мою любовь к ней.

А Вася! Черт побери! Она с ним в сговоре! Почему она не пьет из этой чашечки? И в ее глазах застыл нескрываемый страх!

– Ну же, Васенька, – ласково шепчу я, – пей же! Вася! Ты должна выпить! Слышишь! И упасть замертво рядом со своим любимым Пьеро!

– Выпить... – машинально повторяет она. – Нет! Я не хочу! Не хочу!

В зале послышался шум, выкрики, кто-то даже умудрился свистнуть. Но мне уже плевать на зрителей. Я хватаю Васю за руку. И с перекошенным от злости лицом шепчу:

– Ты с ума сошла, негодница! Ты хочешь провалить наш спектакль! Ты... Ты...

Она медленно поворачивается ко мне. Ее глаза полны

ужаса. Губы дрожат. Нет, это не похоже на игру.

– Ник, он мертв, Ник... О Боже, он мертв...

Я несколько секунд стою неподвижно. С абсолютно тупым выражением на лице. Я пытаюсь осмыслить сказанное. И мне это плохо удается.

– Ник, ты слышишь меня, Ник... Он мертв...

Мертв... Занавес закрывается. Ромео мертв. Разве он не должен был умереть? Ведь так было написано в моей пьесе. Впрочем, про это написал еще кто-то задолго до меня. Кажется, Шекспир. Он мертв...

Наш спектакль закончен, и его продолжение уже идет вне сцены, совсем не напоминая игру. «Скорая помощь», милиция. Толпа завсегдатаев клуба, подавленных происшедшим.

Стаса тащили на носилках два санитары. С тупым равнодушием на лицах. По-моему, им этот ажиотаж даже нравился. Появилась возможность себя показать. Впрочем, это особенности их профессии. Равнодушие, привычка и мимолетная радость оказаться в центре внимания.

Уголки простыни, которой был прикрыт Стас, все время загибались. И я невольно смотрел и смотрел на это неподвижное бескровное лицо, на котором по-прежнему – теперь уже навечно – застыл ужас. Теперь он не напоминал лорда Байрона. Он как никогда был похож на несчастного Пьеро, отыгравшего свою роль до конца и погибшего в финале. Мне до слез было жаль этого мальчишку. И я испытывал вину перед ним, как, наверно, каждый, кто хоть раз сталки-

вался с ним. Я вспомнил, что при первой встрече заметил на его лице печать неизбежного конца. Но разве я мог своими смутными предчувствиями предотвратить эту смерть? Впрочем... Боже, каким же я был идиотом! Стас перед спектаклем пытался что-то сказать, объяснить что-то важное. Он доверял мне! А я не оправдал этого доверия. Может быть, кто-то не захотел, чтобы я это услышал?! Хотя... Скорее всего, это просто стечение обстоятельств.

И вдруг этот клуб показался мне до боли комичным. С его свечками над каждым столиком. С его зеленью, усыпанной розовыми цветочками. Как в гробу! Клуб, где на все лады расписывались прелести смерти. Что ж, вот она! Любуйтесь ею! Пойте ей дифирамбы! Вы так ее желали! Вот она! Перед вами! В лице этого молоденького парня, который уже никогда... Никогда не проснется утром. Не выпьет чашечку кофе. Не пройдет по дороге, усыпанной осенней листвой. Не улыбнется небу. И не полюбит девушку с пепельными волосами. Никогда... «И осень нас заставит уйти из жизни, как потемневшую листву...» Никогда... Слово «никогда» меня пугает. Если бы у человека было несколько жизней, тогда стоило поиграть в игры «КОСА». Но слово «никогда» начисто перечеркивает эту игру. И, пожалуй, в эти часы никто из столичной богемы не пожелал бы оказаться на месте Стаса. Никто не верил в красоту смерти. И в счастье после нее. Все было гораздо проще. И гораздо банальнее. Мертвое тело. Слово «никогда». И обостренное понимание того, что скоро

каждый окажется под землей. Совершенно один. Постепенно боль поутихнет. Лицо забудется. А жизнь будет продолжаться. Я был совершенно уверен, что в эти часы все по достоинству оценили жизнь, как оценил и я. Пусть в ней тысячи несчастий, ложь, предательство. Разочарования. Все-таки это лучше испытать на земле. Чем...

Я сжал ладонями виски. Я был настолько потрясен смертью, что у меня даже не возникло вопроса, кто же все-таки убил Стаса. Меня постепенно вывели из оцепенения. И моя тоскливая философия была разом перечеркнута четкими вопросами следователя, на которые я никак не хотел отвечать. Но мое желание никого не интересовало. Жизнь продолжается. Человек убит. И главным в этой жизни на сегодняшний день было найти убийцу, а не размышлять о справедливости и несправедливости нашего мира.

– Я понимаю, – сказал следователь, изо всех сил стараясь сделать понимающее лицо. Но у него не получалось. – Я понимаю, вы устали. Эта кошмарная ночь. И все же... Мы обязаны задать вам несколько вопросов. Сегодня. Для более подробного допроса вы будете вызваны завтра.

– Я вас слушаю, – нахмурился я.

Мне этот человек почему-то сразу не внушил доверия. А может быть, я слишком болезненно реагировал после шока. И все же... Я каким угодно мог представить следователя. Низким. Высоким. Умным. Глупым. Сильным. Слабым. Но только не таким. Все в нем было безукоризненно: и отутю-

женный костюмчик – ни одной пылинки, и блестящие, начищенные туфли – ни одной грязинки (это в такую-то погоду!), и пухлые щечки с румянцем, и ухоженные руки. Мне слабо верилось, что человек с такой безупречной внешностью способен копаться в грязи, не боясь при этом испачкаться. Нет уж! Он не позволит, чтобы его нежные ручки, чистый костюм и безупречная совесть были забрызганы грязью. А чистюлям я никогда не доверял. И поэтому, насторожившись, смотрел прямо в лицо Юрию Петровичу (так он представился, хотя был на вид младше меня). Он, впрочем, не отводил глаз. Видимо, думал, что сможет уловить фальшь в моих глазах. Как бы не так! Он, конечно, не брал в расчет, что я артист и, если захочу что-либо скрыть, он в жизни об этом не догадается.

– Да уж, – тяжело вздохнул Юрий Петрович, словно угадывая мои мысли, – труднее всего иметь дело с людьми необычной профессии. Обыкновенного человека всегда легче расшифровать.

– Убийцы, как правило, необыкновенны, – усмехнулся я. —

Так что, пожалуй, дело не в профессии.

Мы сразу не понравились друг другу. Но я не был девицей, поэтому мне его любовь была не нужна.

Следователь, словно вопреки моему мнению, премило улыбнулся и провел ладонью по своим редким, чем-то смазанным волосам.

– Скажите, где вы находились во время гибели вашего... – Он запнулся, не зная, какую степень родства присвоить Стасу по отношению ко мне. Или он сделал это умышленно, давая мне возможность самому на это ответить.

– Коллеги, – продолжил я за него.

– Вы давно с ним работаете? – небрежно спросил Юрий Петрович.

– Давно, если сутки можно назвать вечностью. Правда, для некоторых они и обратились именно вечностью.

– И в течение суток он стал вашим коллегой?

– Не в течение суток, а в течение одной репетиции. Этого вполне достаточно.

– Хм. Мы отвлеклись.

– Да, – тут же согласился я. И подробно описал место, где находился во время заключительной сцены. Хотя, думаю, за меня это уже давно сделали мои доброжелатели.

Не знаю, то ли моя природная подозрительность, то ли осторожность заставили сосредоточиться в несколько минут, но я, отбросив все рассуждения о смерти, решил тщательно обдумывать каждое слово и ни под каким предлогом не открывать карт. И хотя сам я толком не знал, есть ли они у меня, но сообразил, что любое неосторожное слово может навредить и мне, и моим друзьям, так как участвовали в спектакле только мы, четверо, и один из нас был уже мертв.

– Скажите, ваш друг имел склонность к самоубийству? – продолжал допрос Юрий Петрович, намеренно подчеркнув

интонацией слово «друг», тем самым демонстрируя, что для него друг и коллега – одно и то же.

– К самоубийству? – Я сделал вид, что думаю. И даже для полной убедительности наморщил лоб. Впрочем, версия самоубийства для нас и для руководства «КОСА» была наиболее благоприятной. Для меня же правда была важнее. – В этом клубе все склонны наложить на себя руки. Только не спрашивайте почему. Я вам все равно не отвечу. Думаю, руководство «КОСА» даст вам надлежащее объяснение.

– Допустим. Но я и так наслышан об этом заведении и теперь хочу узнать ваше личное мнение: был ли Стас Борщевский склонен к самоубийству?

Конечно, я мог этому Юрию Петровичу запросто выложить, что Стас преследовал иную цель: искал кого-то и что-то важное хотел именно мне сообщить перед смертью. Но это сообщение я решил отложить до более благоприятных времен.

– Как бы вам объяснить, – продолжал я старательно морщить лоб, – пришел он сюда в поисках смерти, но незадолго до гибели вдруг сообщил нам, что не собирается накладывать на себя руки. И вообще после спектакля собирается сматываться из «КОСА».

– Значит, что-то изменило его решение. Или кто-то...

Я пожал плечами.

– Вообще-то, если честно, то все здесь... Ну, в общем, люди неуравновешенные. Знаете ли, неустойчивая психика. И,

так я думаю, каждый здесь восемь раз на день меняет свое решение. Вчера он решил убить себя, потому что кто-то его обидел одним лишь словом. А сегодня он заметил, как под его окном расцвел куст сирени, и тут же решил жить. А вечером он вдруг понял, насколько бессмыслен мир, потому что хлынул дождь и страшный ветер поломал этот куст. И он вновь решил умереть. А завтра...

– Достаточно, – резко перебил мои литературные измышления следователь. Явно моя скромная персона стала его раздражать. – Довольно логично – списать эти порывы на особенности творческой натуры. В мире может ничего не произойти, а ты вдруг решил умереть.

Я развел руками.

– Вот вы и начинаете меня понимать. Но дело в том, что до мира здесь, в общем-то, никому нет никакого дела. Интересы каждого сосредоточены вокруг собственной личности. А личность...

– Я наслышан об этом. Значит, ничего определенного вы мне сказать не можете?

В ответ я пожал плечами.

– Хорошо. Тогда, вероятно, вы знаете, кто мог желать смерти Борщевскому?

Я вспомнил, как недавно сам заявил, что собираюсь его пришить. То же самое не раз заявляла и Вася. Да и Вано особенно не скрывал своих чувств к нему, во всяком случае, не раскрывал объятий.

– Ну же? Кто? Хорошо, я подскажу. Кто-нибудь из вас знал Стаса Борщевского до его появления в клубе?

– Юрий Петрович... – Я нарочито громко вздохнул. – Эти вопросы не ко мне, вот и задайте остальным. Я же отвечаю за себя. Я его раньше не имел чести знать и смерти ему не желал.

– Вы уклончиво отвечаете на вопросы, Задоров. Но это ваше право. Хуже, если вы что-то скрываете. – В глазах следователя мелькнул недобрый огонек.

– Не скрываю, Юрий Петрович, а пытаюсь не наболтать лишнего. Как известно, из-за лишних слов часто происходят лишние недоразумения. К тому же я привык отвечать только за себя.

– Только за себя вы можете отвечать в этом клубе! – резко оборвал он меня. – А по делу об убийстве обязаны отвечать и за других. Безусловно, я имею в виду только ответы на вопросы. И завтра я эти вопросы задам вам в другом месте и в другой обстановке. Готовьтесь на них ответить!

Я понял, что не совсем верно себя веду, пока он выписывал мне повестку. Но было поздно: подчеркнуто вежливо раскланявшись, следователь удалился. Я видел, как он уже спрашивает Толмачевского и Варфоломеева, которые ему вежливо и учтиво улыбались. Что ж, пусть улыбаются. С меня на сегодняшнюю ночь хватит.

У меня страшно раскалывалась голова, и единственным желанием было – поскорее добраться домой и на пару часов

забыть о кошмаре. Мне трудно было все это время разговаривать с Васей. Я не знал тех слов, что могли бы ее утешить. Может, слов утешения и не бывает, а существует только их оболочка. Звуки. Но я понимал, что разговор необходим и неизбежен, хотя видел, что все это время она избегала меня. Сторонилась. Боялась встретиться взглядом. Она пребывала в шоке, и вывести ее из этого шока способно только время. Я решил пожелать ей спокойной ночи. Это выглядело довольно глупо, но что я ей еще мог сказать?

– Вася, – окликнул я девушку. Она не шелохнулась. Она стояла лицом к стене, глядя в одну точку. – Вася, я не знаю... – сбивчиво начал я.

– Не надо, Ник, – с трудом выговорила она, – прошу тебя, ты тут ни при чем. Просто... Я только тебе скажу, Ник. Я очень часто мечтала увидеть его мертвым. Мертвым! Слышишь! – Ее голос сорвался на крик.

– Тише, тише, девочка моя. Ты же умница. Ты и без меня понимаешь, что эти мысли посещали тебя от обиды. От злости. Но ты никогда не хотела этого в действительности.

– Не знаю. – Вася закрыла лицо руками. И всхлипнула. – А вдруг хотела? А? Ник?

– Ну, что ты, что ты...

– Он был такой... Боже, это же неправда! Он был такой живой на сцене. Он так хорошо играл Ромео. Иногда мне казалось, что мы играем в наше прошлое... Как дети...

– Я понимаю.

Вася резко повернулась и крепко-крепко обняла меня.

– Мне так тяжело, Ник. Помоги мне... Ну, пожалуйста, помоги...

– Конечно, девочка моя. Конечно. Я не оставлю тебя. – Я гладил ее волосы, мокрое от слез лицо.

– Ваша дама нуждается в помощи? – услышал я за своей спиной ехидный голос и, обернувшись, столкнулся нос к носу с Юрием Петровичем.

– Моя дама прежде всего нуждается в покое, – грубо ответил я.

– Ну, покой в ночь убийства – это миф.

– А вы часто прибегаете к подслушиванию чужих разговоров?

Он отрицательно покачал головой.

– Разговоры сами меня находят, Задоров. Я их не ищу. Но в ночь убийства можно много, очень много услышать любопытного.

– Вы пользуетесь слабостью, горем людей?

– Отчасти – да. Как пользуетесь и вы, играя на сцене чувства чужих людей. Я прекрасно знаю людей в силу своей профессии. Они склонны очень быстро все забывать. И завтрашнее утро, поверьте, для многих уже будет совсем иным. За ночь они свыкнутся с мыслью, что человек убит, и утром дадут иные показания. Мне же нужны люди сразу после трагедии, когда они еще не до конца осмыслили происшедшее. Когда возбуждены, убиты горем и одержимы ненавистью к

преступнику. Только тогда из них можно вытянуть правду.

– Это жестоко, – невесело усмехнулся я.

– А убийство, мой дорогой, очень жестокая вещь. Или вы этого не знали? Ведь именно кто-то из этих убитых горем людишек совершил преступление! Правда, Василиса? – Следователь пристально посмотрел на девушку.

Она испуганно отшатнулась. И, конечно, сделала это зря.

– Вы... Вы уже знаете мое имя? – еле слышно прошептала Вася.

– Более того, милая девушка, я уже знаю, что долгое время Стас Борщевский был вашим любовником и хладнокровно бросил вас, после чего вы и прибегли к помощи этого клуба.

– Прекрасная работа! – Я трижды хлопнул в ладоши. – Такое ощущение, что на каждого из нас составлено досье – я ощущаю на себе прикосновение рентгеновских лучей.

– И правильно ощущаете. Может быть, это развяжет вам язык?

Мое терпение лопнуло. Я сжал кулаки и спрятал руки за спину, чтобы преодолеть искушение дать по морде этому блюстителю порядка. Вася уловила мой жест и незаметно пожала мою руку.

– Ник, отправляйся домой, Ник.

– Только вместе с тобой.

– Нет, Ник. Я должна... Я обязана помочь следствию. Пойми, я, правда, любила Стаса. Я должна... Иди, прошу, иди...

И, чтобы не разрыдаться, Вася, резко отвернувшись от меня, быстро зашагала прочь. За ней мелкими шажками двинулся Юрий Петрович, предвкушая добычу...

Мне ничего не оставалось, как отправиться восвояси. У выхода я столкнулся с господином Толмачевским. Он сочувственно улыбнулся мне и не менее сочувственно похлопал по плечу.

– М-да, Задоров. Как жаль, как жаль, такой славный был парнишка. А какой красавец! Этот одухотворенный взгляд! Эти утонченные черты лица! Надо же, чтобы это произошло именно во время вашего спектакля! Раньше здесь такого никогда не случалось. М-да, неприятности... – задумчиво протянул он, сверля меня своими китайскими глазками.

– Может, именно такого и не случалось, – ответил я, – но по части покойничков ваш клуб занимает первое место в городе. В этом можете не сомневаться.

Не дожидаясь ответа, я выскочил на воздух, не забыв при этом вызывающе громко хлопнуть дверью перед носом Толмачевского, чья физиономия мне никогда не внушала ни симпатии, ни доверия.

Я плохо помню, как добрался домой. Ноги подкашивались от усталости. Перед глазами мелькали яркие круги, а между ними – бледное лицо Стаса. Его полуоткрытые губы. Его умоляющий взгляд, словно он мне что-то хочет поведать. Что же он хотел сказать мне перед премьерой? Что? И почему я сразу его не выслушал?! Бог мой, ничего не исправить!

Стас Борщевский нем навсегда, и теперь я сам должен искать то, чего не успел подарить мне Стас. Но где? И найдутся ли у меня силы? Не знаю... В ту ночь я ничего не знал...

Оксана всплеснула руками, встретив меня на пороге дома: видимо, у меня был не лучший вид. Она тут же потащила меня в ванную, заставив принять душ.

– Так больше не может продолжаться, Ник! – твердо заявила она, когда я немного пришел в себя после холодного душа. —

– Слышишь? Ты сейчас же мне все расскажешь!

Я с удивлением вглядывался в ее возбужденное лицо.

Впервые за время нашего знакомства я слышал в ее голосе такую твердость и решимость.

– Перестань, Оксана, – отмахнулся я.

Но она не думала сдаваться.

– Нет! Не перестану! Пока ты живешь со мной, Ник, пока мы вместе. Значит, я еще нужна тебе, Ник. Иначе ты давно бы ушел от меня. И особенно сегодня я хочу быть тебе нужной!

– Почему, Оксана? Почему именно сегодня? – Я нахмурился.

– Ты так редко говоришь со мной, что уже, наверное, забыл, что твоя жена – психиатр. Неужели ты думаешь, я не догадываюсь, что в твоей жизни что-то происходит? Неужели стал считать меня дурочкой?

– Да нет, не стал, – не переставал я удивляться. И не толь-

ко словам, не терпящим возражения, но и внезапно возникшему собственному желанию излить душу. Переложить, как и раньше, на жену часть своей боли. Такого со мной давно не случилось. И я не боролся с собой: я был слишком слаб в эту ночь для борьбы и тут же все выложил Оксане. Конечно, не будучи полным идиотом, я в нужные моменты делал паузу или ставил многоточие. А именно – когда дело касалось непосредственно любви с Васей. В остальном же, в остальном была полная правда. Я поведал, как весной встретился с Лядовым. Как он в порыве благородных чувств преподнес мне адресок «КОСА». Я даже упомянул, как долго страдал и мучился без всяких оснований и как эти муки привели меня в клуб самоубийц, где я познакомился со своими новыми товарищами. Я подробно описал традиции «КОСА», ее нравы, ее завсегдатаев, подробно рассказал о главном – убийстве Стаса Борщевского. И закончил свой пылкий монолог бесстрастным допросом чистюли следователя, который мне так пришелся не по вкусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.